

О том, как всё получилось.

Давным-давно, много лет тому вперёд и немного в сторону, жил Великий Человек. Он ничего не изобрёл, книг не написал, новых земель и вод не открыл, но среди всех великих был Действительно Великим – вот именно так, с больших букв.

Чтобы понять, надо ответить на вопрос: «Какая беда страшнее всех?» Для тех счастливых, кто не знает, отвечаю сам:

ВОЙНА

Люди убивают друг друга и ломают то, что сами построили. Рвут и жгут то, что сами сшили. Топчут то, что сами посадили. Становятся убийцами, но получают за это награды. Самые главные и жуткие из этих убийц – те, кто войну начинает и всех других заставляет воевать. Вот и ясно тогда, кто есть Действительно Великий человек. Конечно, тот, кто может остановить начатую войну, а ещё лучше – не дать ей начаться.

Таким человеком и был один мой родственник. Да почему был? Он и сейчас есть, только очень и очень, крайне, почти бесконечно далеко. Останавливает войны за пределами видимого Космоса. Ему очень трудно везде успеть, он очень от этого страдает и утешается лишь тем, что всё же работает не зря. Без него убили бы и разрушили гораздо больше. Вот он и мечется из космоса в космос, из времени во время, гасит военные пожары и терпеливо ждёт, когда же люди везде поумнеют и бросят воевать.

Между прочим, во многих местах уже бросили. Но других ещё больше.

Раз уж начал про войну, надо про неё закончить. Есть же люди, которым нравится воевать.

СОЛДАТСКАЯ МЕЧТА

Как-то на ученьях молодой солдат сильно отличился в преодолении преград и был вызван к генералу.

До штаба, конечно, бегом, последние десять шагов – строевым, а генерал, весь в броне и орденах, ждёт-улыбается.

Доложил солдат по форме, что явился по приказу, и слышит ласковые слова: – Bravo, молодец! Говори, о чём мечтаешь.

Молодец находчиво отвечает поговоркой:

– Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!

Генерал перестал улыбаться и спрашивает:

– А ты хорошо подумал?

– И думать нечего, – солдат в ответ. – Жизни краше не знаю и знать не желаю.

– Добро, – говорит генерал. – Иди, сержант, командуй боевым расчётом.

Прошёл после этого год. Отличился сержант в учебном бою. Прибегает по вызову к генералу, последние десять шагов – строевым, а генерал его помнит.

– Ну что, сержант, не раздумал стать генералом?

– Даже в мыслях не было, – отвечает сержант. – Стану непременно.

– Добро, старшина, принимай взвод.

Проходит ещё один год, отличается на параде этот взвод. Опять старшина пред генералом и опять слышит вопрос:

– Не забросил ли мечту о генеральстве?

– Да как можно?! – отвечает старшина. – И служба идёт, и генеральство не за горами. Могу роту принять.

Усмехнулся генерал и отправил его учиться на офицера.

Долго ли, коротко, прибывает в генераловы войска пополнение из офицерской школы. Смотрит генерал аттестаты – лучший, конечно, у старого знакомого. Что ж, если в старшинах брался командовать ротой, не доверять ли ему теперь батальон?

Проходит год, командира лучшего батальона пора из младших офицеров производить в средние: солдаты у него умелые, порядок в строю образцовый, оружие всегда наготове, жалоб нет, все мечтают стать генералами.

В средних офицерах прослужил молодец недолго: кончилось мирное время, а на войне, кому везёт, те скоро старшими становятся.

Боевые действия в разгаре, враг наступает, народу гибнет великое множество.

Собрал генерал старших офицеров на совет.

– Что будем делать, командиры? Людей теряем много, а враг не сдаётся.

Командиры задумались, только у одного полковника, бравого молодца, ответ наготове:

– Не сдаётся – уничтожим! В тыл ему десант забросим, а сами навалимся с флангов – тут ему и конец.

– Враг – не дурак, – предупреждает генерал. – И его солдаты – тоже люди.

– Враг – не человек! – возражает полковник. – Вражий солдат – мишень!

– Добро, – отвечает генерал. – Действуйте.

Загудели самолеты – повезли десант во вражий тыл. Заревели танки – ударили врагу во фланги. Загремели пушки – накрыть врага из-за бугра. Смяли вражьи заслоны, прорвались, чуть друг друга не извели во встречном бою... А врага не застали.

Враг ведь тоже не стоял, как мишень. Пока его обходили да в тыл заходили, он взял да ударил в центре. Смял, прорвался, ушел вперед, всех разогнал, пожёг, подавил. Один штаб ещё сражается в окружении.

Сидят в укрытии генерал с полковником, сыплется им на забинтованные головы песок, чувствуют, что скоро кровля не выдержит .

– Ну что, молодец, – говорит генерал, – всё ещё хочешь стать генералом или думать начал?

– А вы, мой генерал, давно думаете?

– Давно.

– И до чего же додумались?

– Ага, вот теперь вижу: начинаешь думать. Ладно, слушай. Может, и хорош тот солдат, который мечтает стать генералом, да глуп тот, который старается, и несчастен, который становится.

– Значит, я ещё только глуп?! – обрадовался полковник.

– Да нет, дружок. Уже подписан приказ о твоём производстве в генералы. Выходит, не о том ты мечтал...

Стали двое несчастных готовиться к смерти или в плен, но тут те войска, которые брали противника в окружение, разобрались, в чём дело, ударили врагу вослед и освободили своё начальство от угрозы.

И стали два генерала служить дальше, а про испуганный свой разговор забыли решительно.

Выходит, не так уж здорово быть военным? Можно попасть и в злодеи, и в дураки. Самое время рассказать о первом добром человеке.

ПРО ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА

Жил-был в одной деревне добрый человек.

А все кругом были злые. Сейчас такого не случается, а раньше иногда кое-где бывало.

Этот добрый человек был очень сильным. У людей так всегда: чем сильнее, тем добрее. У зверей немного иначе, но о них – когда-нибудь потом.

И вот этот добрый силач, этот сильный добряк жил среди злых и слабых людишек и всем старался помочь. Кому дом построить, кому печку сложить, кому корову из болота вытащить, а где и драку разнять, чтоб не покалечили друг друга. Для всех был хорош, но никто ему за помощь спасибо не говорил, а каждый норовил за что-нибудь придраться. Судачили: ишь, сколько дров наколол, вон какое поле вспахал, ох, сколько рыбы поймал. Хорошо, что хоть семьи у него нет – совсем бы от зависти извелись.

А не было у него семьи, потому что ведь и девицы все кругом жили злые – ни одна за такого простого не хотела: ни поругаться с ним, ни подраться, ни соседям через забор дохлую кошку забросить – на что такой муж...

А добряк очень любил детей. И хотел бы завести своих. Но раз своих не было, он всё с чужими пытался дружить: придумывал для них игры, делал подарки. Но они подарки брали, а играть с ним не хотели, потому что были приучены только к злым играм: кошку повесить, хвост собаке отрубить, гнездо птичье разорить. Сейчас таких детей почти не встретишь, а тогда вот так уж случилось.

Доброму человеку одиночество – хуже острого ножа: ни поговорить, ни приласкать, ни песенку спеть. И решил он из тех мест уходить. Погрузил на телегу самое нужное имущество, привязал сзади корову, свистнул собачонку, оставил дом незапертым и уехал.

У леса оглянулся, а дом его уже грабят, доски от крыши отрывают, стёкла из окон вынимают, дрова из поленицы тащат. Пожал плечами добрый человек, чуть не заплакал: ну что за люди, хуже волков.

А волки тут как тут: отдавай корову и лошадь, а то и тебя с собачонкой разорвём.

Ну, с волками разговор короткий: схватил запасную оглоблю, отмахался, поехал дальше.

Всё глуше и страшнее лес, и вот выскакивает из чащи медведь: корову или лошадку отдашь, хозяин? Пришлось и медведю отведать оглобли. Убежал.

Дальше едет добрый человек. Задремал и не заметил на ветке росомуху. Прыгнула на лошадь, мигом загрызла и в чашу отскочила. А сзади – медведь с волками: близко не подходят, но своей очереди дожидаются.

Что будешь делать? Забрал с телеги топор, оставил бедную лошадь дикому зверью, взял корову за верёвку и двинулся дальше пешком. Собачонка к ногам жмётся.

Шёл так, шёл и пришёл в совсем незнакомые места. Травы – выше головы, деревья толстенные – десятью шагами не обойдёшь, птицы кричат незнакомые, звери где-то рычат очень грозно. И жара.

Привязал на поляне корову, чтоб далеко не отходила, а сам прилёг под деревом – отдохнуть. Собачка погналась за какой-то мелкой зверушкой да и пропала в траве.

Задремал добряк, и стало ему чудиться, будто из дерева кто-то с ним разговаривает.

– Куда идёшь, добрый человек?

– Не знаю.

– А откуда?

– Из родного дома. От злых людей спасаюсь.

– Дурное ты затеял. Вернись.

– Да почему? Кому я нужен с моей добротой?

– Людям.

– Не верю!

– А ты поверь.

– Не могу!

– Ну, тогда, попробуй свою доброту на диких зверях.

И так что-то его толкнуло, что проснулся. Видит, вышел на поляну слон, начал обрывать с веток хоботом листья и отправлять в рот. Выскочил из леса лев и бросился на слона. Слон пугнул его бивнями, лев и отскочил. Но тут увидел лев корову, убил её одним ударом и уволок.

Да, подумал добрый человек, трудно быть добрым среди людей, а среди зверья – и подавно. Вернись домой, поселись между лесом и деревней – проживу как-нибудь.

Свистнул свою собачонку, а она не идёт. Съели, наверно.

Взял тогда добряк крепче свой топор и пустился в обратный путь. Шёл опять долго, но зверей больше не встречал: вооружённого человека звери боются.

Была уже осень, когда вышел он к своей деревне.

Увидели его издали ребяташки и с криком бросились по улице. Пока дошёл до своего дома, вся деревня там собралась. Кто тащит доски, оторванные от крыши, кто стекло вставляет, кто везёт мешок картошки, кто несёт хлеба свежего, кто мёду, кто охапку дров.

Добряк удивился:

– Что это с вами?

А они в ответ:

– Всё поняли. Спасибо, что вернулся.

– Да что же вы такое поняли?

– А то, что без тебя мы друг друга чуть не загрызли, не лучше диких зверей. Оказывается, людям без доброты никак нельзя. Только людям она дана, и терять её все равно, что к зверью переселяться.

Подумал он, подумал да и говорит: .

– Ну, раз вы теперь сами добрые да всё понимаете, зачем же вам я?

Тут и они задумались: а в самом деле – зачем? Подумали, потолковали, посмеялись над собой и решили:

– Знаешь, что? Мы добрыми стали из-за тебя, а ты – таким родился. Оставайся на всякий случай. Так вернее.

И всей деревней стали чинить ему дом.

Расскажу теперь, за первым добрым человеком, о первой ручной собаке. Быть ручной собакой, наверно, ничем не хуже, чем быть добрым человеком.

ПРО СОБАКУ

Сидит собака у реки и зовет:

– Эй! Кто в воде живет?

Звала-звала, выглянула рыба:

– Чего шумишь?

Собака говорит:

– Есть хочу.

– Копай червяков да и ешь. Справная пища.

Собака роет, рыба смотрит. Попался червяк. Собака прикусила да и выплюнула. Рыбе это смешно.

– Ах, так? – говорит собака. – Тебя съем!

Собака – в воду, рыба – прочь.

Вылезла голодная на берег, сушится и скулит. А мимо скачет заяц:

– Ты чего, мокрая, скулишь?

– Есть хочу.

– Так ты глодай кору осинову – сила в ней. Собака укусила кору – горько. А зайцу смешно.

– Ах, так? – говорит собака. – Тебя съем!

Бросилась на зайца, а он ускакал. Сидит собака, язык до земли, дышать нечем, слезы текут. А на колючий куст прилетела птичка:

– О чем, собака, плачешь?

– Есть хочу.

– Так лови мух. Они жирные.

Собака зубами щёлк – и жует муху. Пожевала, выплюнула, осерчала и – на птичку:

– Тоже смеёшься? Тебя съем!

Птичка улетела, собака вылезла из куста, плачет, колючки из боков выкусывает. Тут как раз человек – идет, не торопится, палкой себе помогает, на плече – мешок. Остановился и говорит:

– Красивая собака, поешь моего хлеба.

– Обманешь, – говорит собака. – Лучше сразу тебя съем.

– Не ешь меня, а то ударю.

Но собака бросилась. Человек ударил ее палкой и говорит:

– Храбрая собака, поешь моего хлеба.

– Ладно, – говорит собака, – давай попробую.

Съела хлеб и вильнула хвостом – один раз.

– Хорошо, – сказал человек. – Приходи в гости.

И пошел без оглядки.

Собака посидела, подумала и тайно пошла за ним.

Так дошли до его дома. Человек обернулся у ворот и говорит:

– Заходи, любознательная собака.

Собака не ответила и пошла прочь. Тогда человек улыбнулся и закрыл за собой ворота и дверь. Едва он скрылся в доме, собака забралась к нему в огород и легла между грядок. Человек это видел в окно, однако не вышел.

Скоро явился заяц и хотел выкопать из грядки морковку.

– Р-р-р, – сказала собака. – Пр-р-рочь, вор-р-р!

Заяц убежал. Человек это видел в окно, однако не вышел.

Прилетела птичка, стала клевать ягоды с куста в огороде.

– Пр-р-рочь! – сказала собака. – Р-р-разор-р-рву!

Но птичка засмеялась и села повыше – там ягоды еще вкуснее.

Собака залаяла.

Тогда из дома вышел человек и прогнал птичку. А собаке он сказал:

– Верная собака, пойдём ловить рыбу.

– Рыбу не поймать, – возразила собака. – Мы с тобой неуклюжи.

– Мы ее обманем, – сказал человек. Он взял удочку и банку с червяками и пошел к реке. Собака пошла тоже – просто посмотреть.

Человек нацепил червяка на крючок и забросил удочку в воду. Глупая рыба попалась.

– Ты эту рыбу съешь, – сказал человек собаке.

– Нет, – сказала собака. – Ты поймал, ты и ешь.

– Скромная собака, – сказал человек, – давай жить вместе.

– Я подумаю, – сказала собака.

– Хорошо, – сказал человек. И снова забросил удочку. Он поймал вторую рыбу и спросил опять:

– Умная собака, будем жить вместе?

– А хлеба нам хватит?

– Хватит, – пообещал человек. – Согласна?

- Я пойду, – сказала собака, – поохраняю твою морковку и там подумую.
А ты пока лови рыбу.
- Хорошо, – ответил человек. – Вот тебе хлеб на дорогу.
- Собака взяла хлеб, дважды вильнула хвостом и убежала. Человек наловил рыбы и пошел домой.
- Красивая собака, – сказал он в огороде, – храбрая собака, верная собака, скромная собака, любознательная собака, честная собака...
- И добрая, – добавила собака.
- Добрая собака, – сказал человек, – будешь со мной жить?
- Уже живу, – ответила собака.

Если вы читали сказки Редьярда Киплинга, не надо удивляться, что там про первую ручную собаку написано иначе. Киплинг был англичанин, рассказывал про Индию, а там у них всё немного по-другому. А у китайцев было по-третьему, в Африке – по-четвёртому, в Америке – по-пятому, в Австралии – по-шестому. Особенно в Австралии, потому что тамошние звери ходят с сумками. А если, например, наша белка без сумки, то и дела у неё свои, и история – здешняя.

ПРО БЕЛКУ

Белка поссорилась дома со всеми.

А как с ними не поссориться! Насушила грибов на сучьях – бурундук все съел. Тогда она разорила бурундучью кладовку с орехами. А бурундук со своим другом ежом съели на ее поляне всю бруснику. Тогда белка забила шишками дупло ежово, в котором он зимовать хотел. А еж подговорил дятла, чтобы в белкином дупле для сквозняка дыру продолбить. Тогда белка стала дятла со всех деревьев гонять. А дятел пожаловался кунице, чтобы съела белку. Погналась куница за белкой. Чуть не поймала, да оказался на пути автомобиль – за грибами люди приехали. Раньше белка в них шишками бросала, а теперь – с дерева прыг да в багажник, благо был открыт. Куница сгоряча – за ней. В багажнике ведро кверху дном, бензинищем разит. Белка себя превозмогла, юркнула под это ведро – лучше задохнуться, чем в зубы. Щель мала, куница под ведро не может. Понюхала, поюлила, пофыркала и – прочь из машины. А белка сидит под ведром, задыхается.

Скоро стало ей совсем невмочь. Думает: «Лучше в зубы, чем от вони погибать». Выглянула из-под ведра, а тут багажник – хлоп! – и закрылся. Это люди пришли. Сердитые, потому что без грибов. Сели в машину, поехали домой.

По дороге белка весь багажник обыскала – ни одной щелки. Так в город и приехала.

Только остановились, сразу открыли багажник – хотели взять ведро. Тут белка и выскочила.

– Белка! Белка! Из лесу привезли! – Стал народ белку ловить. А народу – хозяйин с хозяйкой да два сына. Да еще собака – вот что самое неприятное.

Белкино спасение – наверху. Прыгнула на что попало, винтом до самого верха добралась, тогда огляделась.

Ох, как же ей повезло! Машина стоит во дворе, двор железной сеткой ого-

рожен, а что попало посреди двора – это одна-единственная березка. И под ней лайка прыгает. Не будь березки – белке сразу конец.

Посидела на березе, спасению порадовалась, отдышалась после бензина, оправилась от страха, на людей пошикала, на собаку пощелкала, а уж тогда стала думать, как дальше быть.

Ох, до чего же ей не повезло! Будь берёза кедром или хоть сосной, была бы еда, а так – верная смерть от голода, лучше было задохнуться под ведром.

«Однако, – думает белка, – собака ночью авось задремлет, тогда уйду через забор».

Люди тем временем стоят под деревом и тоже думают, как им белку живьем добыть. Стрясти никак невозможно – толстовата береза. Залезть на нее да поймать белку руками – тонковата береза.

Пока все думали, младший сын принес удилище, пристроил к нему тонкую проволоку петлей и стал эту петлю к белке подводить. Все ему подсказывают, а белке смешно: велика петля, проскочить через нее – никакого труда. Только собралась проскакивать, а мальчишка и подсек. Затянулась петля на белкиной шее, повисла белка, снова задыхается, жалеет, что кунице в зубы не попала, что под ведром не погибла.

Однако быстро опустили ее в руки, от петли освободили, запрятали в тесную птичью клетку и поставили на шкаф, подальше от кошки.

«Все, – думает белка. – Умру в неволе и тесноте. Лучше бы кошке в зубы».

А кошка тут как тут. Со стула на стол, со стола на подоконник, с подоконника на телевизор, а с телевизора – огромным скачком – на шкаф и уже лапу в клетку запускает. Мечется белка по клетке, уворачивается от когтей и думает: «Лучше от тесноты умереть, чем так-то ужасаться».

Тут кошку прогнали, а клетку с белкой подвесили к потолку – нарочно вбили для нее гвоздь. И насыпали орешков.

Висит белка в клетке, от всех вдали, третий день орешки ест и толстеет. «Такого, – думает, – мучения и обжоре-бурундуку не пожелаешь. Не прыгнуть, не кувыркнуться, косточки не размять. Растолстею, ослабею, кашлять буду и умру от ожирения – хуже пупырчатого дождевика... А тут еще дети пристают: зачем-то надо меня потрогать. А из меня искры летят, когда меня трогают. В лесу-то не летели. Вот цапну за палец – может, рассердятся да убьют, избавят от мучений».

Прожила в клетке неделю, всех за палец укусила – они только смеются.

Потом вошел в комнату их отец и приладил возле клетки большое колесо из тонких прутьев. Из клетки щипцами два прута выкусил, а в колесе дырки заранее готовы: залазь и беги. Залезла белка в колесо и прыгнула. Колесо повернулось. Еще прыгнула, еще – и побежала. Долго бежала, а люди стояли рядом и радовались. Когда же белка устала и остановилась, колесо повезло ее дальше, подняло вверх, она сорвалась оттуда, ей было больно и стыдно. Через дырку она перебралась к себе в клетку, легла и отвернулась от людей.

– Тяжелое вышло колесо, – сказал хозяин дома.

– Ничего, – сказал младший сын, – она привыкнет.

– Сомневаюсь, – сказал старший сын.

– У нее разорвется сердце, – сказала хозяйка. – Надо ее выпустить.

– Она в городе погибнет, – сказал младший сын. – Пусть живет у нас.

– Я отвезу ее в лес, – предложил старший сын.

– Нет! – закричал младший сын.

– Скоро увидим, – сказал хозяин. – Пусть пока поживет.

Еще неделю белка прожила в тесной клетке. Иногда пыталась погулять по колесу, но колесо начинало вертеться, это было страшно, неприятно, утомительно и глупо. И совсем не нужно! В лесу бегать приходилось по делам, а здесь – какие дела? Орешков насыпали ей каждый день, а младший сын еще совал печенье, конфеты, кашу, варенье и другую дрянь. Когда же белка отказывалась это есть, он линейкой выгонял ее в колесо и заставлял бежать: «Проголодаешься, тогда всё съешь!» Белка не хотела бежать и ложилась. Тогда он вертел колесо, и ей приходилось бежать. Но вбегал старший брат и давал младшему подзатыльник. А когда люди уходили, являлся кот и подолгу рассказывал белке, что он с ней сделает, когда наконец до нее доберется.

В конце недели младший брат забыл под клеткой стул, а может быть, оставил его нарочно. С этого стула кот запрыгнул на клетку, запустил между прутьями обе лапы и почти поймал белку. Она сидела перед самой его пастью и не могла отскочить, потому что сзади были его когти. Но схватить белку зубами кот не мог, а лапы между прутьями дальше не лезли.

– С-с-слуш-ш-шай! – шипел кот. – Ты вс-с-се равно ус-с-снёш-ш-шь! И я тебя дос-с-стану по час-с-стям-м-м... Поддайс-с-ся!

Тут распахнулась дверь, и в комнату влетел младший сын. Следом вошел старший и дал ему еще один подзатыльник. Потом схватил кота за загривок и выбросил за дверь. Потом принес свой заплечный мешок и сунул в него белку вместе с клеткой, а колесо толкнул под кровать.

Потом было темно и белка чувствовала, что ее куда-то везут. Бензином, однако, не пахло. «И то хорошо», – думала белка.

На той же поляне, где попала в неволю, белка увидела свет. Мальчик поставил клетку на траву и сказал:

– Хватит, беги.

Через дырку был теперь выход не в колесо, а прямо на свободу. Белка выскочила на траву и винтом взлетела на ту сосну, где было ее дупло со сквозняком. Она подумала: «Сквозняк – это не беда. Травой заткнем».

Мальчик тем временем сунул дырявую клетку в мешок, сел на велосипед и уехал.

«Жаль клетки, – подумала белка. – В ней куница не возьмет. Да еще орешки остались...»

И она спустилась на то место, где стояла клетка, – поискать, не уронил ли мальчик хоть один орех.

А мальчик не уронил. Он аккуратно высыпал все орешки на листок бумаги. Подбежала белка к орешкам, а там уже бурундук – поживиться хочет, а бумажки белой боится.

– Бери, не бойся, – говорит белка. – Угощаю.

Бурундуку за прошлое стыдно. Он орешек сощелкал и говорит:

– Я хочу помириться.

– Ладно, – говорит белка, – чего там.

– Давай, – говорит бурундук, – орехи к тебе в дупло снесём.

Орехи в дупло снесли, бумажкой вход заслонили, сидят, скорлупой хрустят. Смотрят, а вторую дыру, сквознячную, кто-то еловой шишкой заделывает. Выглянули – дятел. Мириться прилетел. А под деревом ёж – сушеный моховик принес, тоже по белке соскучился. И всем интересно, как у людей живется.

Не успела им белка ничего рассказать, а куница тут как тут. Правда, сытая, никого не трогает. Дятел и говорит белке:

– Куница-то видела, как ты погибала.

Белка смеется.

– Я, – говорит, – после того раза еще ох, сколько погибала, а вот не погибла.

Добрые люди не дали.

– Каково же у людей-то? – спрашивает бурундук.

– Да таково, что и не расскажешь, – отвечает белка. – Ступай, погляди.

– С тобой, что ли? – спрашивает бурундук.

Белка помолчала, повспоминала, каково жилось у людей, и отвечает:

– Лучше уж пусть меня куница съест.

– Ладно, – соглашается куница. – Только подожди до зимы. Похудею, проголодаюсь, тогда съем.

– Если поймашь! – смеётся бурундук.

– Посмотрим, – сказала куница. И ушла по своим делам.

Белке в гостях не понравилось. Да она туда и не хотела. Другое дело, когда мечтаешь попасть в гости, но не знаешь, чем это кончится. Вот история об этом.

ПРО ФИЛЬКУ

Совёнок был большой, почти сова. Уже охотился вовсю. Мышей ловил по ночам. А найдет сонную птичку, так и птичку съест. Совы без мяса жить не могут. Как волки. Только волки охотятся стаей, а совы – поодиночке. Так труднее, зато честнее.

Совёнок был ушастый, как филин. Любил, когда его звали Филькой, научился ухать по-филиньи и всем говорил, что вырастет такой же большой, как филин. Ушастые совы, однако, большими не вырастают. Все это знали, но Фильке не говорили: зачем ребенка огорчать, сам узнает.

Любил Филька бывать в гостях. Посидеть, поговорить, поиграть. Но ни разу ни у кого не гостил. Не приглашали. Всем в лесу некогда. Хищники охотятся. А когда не охотятся, тогда спят. Слабые от хищников прячутся. А когда не прячутся, тогда едят. Клюют, грызут и оглядываются – им тоже не до гостей. Скучал Филька в лесу, где жил, скучал в поле, где охотился.

Но не просто так скучал. Он, скучая, думал. И вот до чего додумался:

– Летаю ночью. Сплю днем. Так живут все... А если не все? Если днем кто-нибудь не спит? Тогда у этого зверя погостить можно! – Так и решил: – Ночью не поем, а днём не посплю.

Дождался утра, полетел в поле. Ярко, жарко, неприятно, видно плохо, очень шумно. Оказывается, днем еще больше не спят. И еще больше спешат. Солнце всем должно мешать, а его никто не замечает. Некоторые даже поют. Это

Фильке понравилось: ночью-то никто не поёт. Ночью только запой – тебя сразу найдут и съедят.

Интересно Фильке днём, хоть и неприятно глазам. Летит он над полем – ничего не узнает. Стога были темные, стали светлые. Кусты были толстые, стали худые. На небе звезды блестели, а теперь их нет, зато все небо блестит... Щурится Филька, жмурится, но летит и лететь ему легко: теплый воздух так и тянет кверху.

Подняло Фильку высоко в небо. Кружит, оглядывается и слушает, как рядом какая-то мелочь поет. Красиво, серенькие, поют. У каждого на голове хохолок. Но Фильку опасаются: близко не подпускают, разговаривать не хотят. А поют, как видно, для обмана: только мошка или бабочка, так они ее – хап.

Еще выше Филька поднимается и видит больших птиц, вроде себя. Тоже клювы крючком, тоже глаза хищные, желтые, когтищи такие же, только крылья поглубже: ветер в них свистит, не то что у Фильки. И слышит Филька их голоса:

– Летать не умеет, а туда же!..

– Как лист по ветру...

– Да оно, может, и не птица...

– А что же оно такое?

– Да тень – только и всего.

– Эй, ты, тень! – кричат Фильке. – Ты пошто крыльями не свистишь?

– А зачем? – Филька спрашивает.

– Как зачем?! Для страха!

– Да я не боюсь...

– Не себя, глупая тень, других пугать!

– А зачем их пугать? – Филька спрашивает. – Мышей пугать – они попрятчутся.

– Ну и умна же ты, тень! – Коршуны смеются. – Смотри-ка!

Упал один к земле. Филька следом. Филька падает бесшумно, а коршун еще громче крыльями свистит. И видит Филька внизу мышь. Она от свиста оцепенела, к земле припала, бежать не может. Коршун ее схватил и кричит:

– Видала, тень?!

– Да ну вас, – отвечает Филька. – Только еда на уме.

И полетел, щурясь, понизу – все не так ярко.

А другие коршуны сверху разговор слышали, обижаются:

– Тень-то – груба! О еде – безо всякого почтения!

– А вот мы ее на вкус попробуем! Может, она не так уж и груба...

Засмеялись, и все – вниз, на Фильку.

Слышит Филька – сверху свист. Узнал, кто летит, поглядел с прищуром, подпустил пониже да и метнулся в сторону.

Ударилась охотники оземь, переглянулись и говорят:

– Промашки быть не могло.

– Не иначе, это и в самом деле тень.

– Ничего не ест, потому что тела не имеет.

– Ясно, когтями ее не возьмешь, потому что – тень.

А Филька-то всю ночь не ел. Голодно ему. Решил податься обратно в лес: там потемнее, авось и еда найдется.

Летит Филька по-над тропинкой, высматривает под собой добычу и не слышит, что навстречу ему катит на велосипеде сын лесника Митя. Руки у Мити умелые, он так подкрутил велосипед, так смазал, что не брякнет, не звякнет, не скрипнет. Как тень Митя едет. Очень этим доволен. Быстро мчится и не боится.

Вдруг из-за поворота вылетает навстречу другая тень и крепко ударяет Митю в грудь. Митя летит с велосипеда, а тень падает рядом. Это большой соенок.

– Бедненький, – говорит Митя. – Ты ударился. Как тебя зовут?

Филька не отвечает. У него в голове шум, а в глазах – тьма.

– Ладно, – говорит Митя. – Ты на филина похож, значит – Филька. Придется тебе у нас погостить, а то найдут тебя здесь собаки.

Сунул Фильку за пазуху, поправил руль и поехал домой. Митя ехал очень быстро, потому что опасался: «Вот очнётся эта сова за пазухой да и запустит мне когти в голое тело!»

А Фильке было под рубахой не очень удобно, зато почти темно, и думал он безо всякого опасения: «В гости пригласили».

Так попал Филька в гости. Первый раз в жизни. Как себя вести в гостях, его не учили. Некому было учить. Никто из родственников никогда в гостях не бывал. Но сам Филька думал об этом много раз. И он давно уже решил, что вести себя в гостях надо прилично, а как это – прилично, он разберется на месте.

Начал Филька разбираться, как только очнулся. Сначала поглядел кругом, благо шея не сломана. В избе свету мало, видно хорошо, глазам не больно. Лежит Филька на кровати, а со всех сторон смотрят на него разные птицы. Сидят эти птицы на сухих сучьях, а сучья торчат прямо из стен. Каждая птица сидит, как ей положено: филин – столбиком, сорока – боком, поползень – вниз головой, утка шею вытянула, непривычно ей сидеть на сучке, а коршун крылья распустил – сейчас ими засвистит.

– Здравствуйте, – сказал им Филька и сел.

Но ни одна птица не пошевелилась, ни одна не ответила, даже глазом ни одна не моргнула.

«Э-э-э, – подумал Филька, – вот как надо в гостях-то сидеть». Огляделся еще раз, нет ли свободного сучка. Нет нигде. Только рога на стене – точно такие, как у лося, только сами по себе, без головы. Наверно, лось тоже приходил в гости, а рога забыл. Или хозяевам подарил.

«А если в гостях надо делать подарки? – подумал Филька. – Что я должен дарить? Что я могу подарить? Когти? Нельзя, пропаду без них. И без клюва пропаду. Лось-то без рогов не пропадет... А у меня рогов нет... Ну, зато есть уши. Настоящие-то уши у меня не видны, они – просто дырочки. А те, которые торчат, как у филина, – это обыкновенные перья. Вот их и оставляю, если надо. А пока сяду на рога и посижу столбиком, как филин.

Сидит Филька на рогах, не двигается, только глазами вертит. Посидел, посидел – надоело. Перелетел к филину, сел рядом. Хотел пошептать, пока хозяев нет. А филин – молчит. Даже глаз не скосил. Как будто нет Фильки.

«Вот это воспитание!» – думает Филька. И перелетел к поползню. Не двигается и поползень – сидит вниз головой, как прилип. Филька дальше летит, возле

утки садится, а коршуна пока опасается. Утка тоже не желает разговаривать. И только хочет Филька возле коршуна посидеть, как затопали в соседней комнате – хозяйева пришли!

Бесшумно перелетел Филька на рога, сидит столбиком, смотрит перед собой, как все гости.

Вот на пороге хозяин, лесник. В руке у него мешок, а из-за плеча выглядывает Митя.

– Где же твой гость? – говорит Мите отец. А сам оглядывается. Замечает Фильку на рогах и хитро говорит: – Нет гостя-то. Чучело новое вижу, а гостя – нет.

Филька не знает, что такое чучело. Он думает, что это люди так здороваются с новыми гостями. А раз поздоровались, надо хоть кивнуть. И он кивнул.

– Воспитанный у нас гость, – говорит лесник. – Посмотрим, каков-то этот будет. – Развязывает он мешок, осторожно достает большую грозную птицу, а сам рассказывает: – Это орлан-белохвост. Видишь, сынок, сломано крыло. Стрелял в него кто-то, глупый человек. Пускай поживет у нас, пока поправится. Ты принеси коряжину со двора.

Убирают со шкафа банку с цветами, кладут на шкаф коряжину, а на нее усаживают орлана.

– Пойдём, – говорит отец, – принесем гостям угощение.

Они ушли, а Филька смотрит – у орлана никакого воспитания. Сразу начал пачкать вокруг себя, начал драть когтями коряжину, аж кора полетела. Одним крылом хлопает, второе у него висит, он перебитое место клювом трогает и скверно ругается.

Филька молчит, Филька себя вести умеет.

Пришли хозяйева, поставили перед орланом-белохвостом рыбы целую чашку, а для Фильки, в сторонке – чашку с мясом. И зовут:

– Иди, Филька, не побрезгуй нашим угощением.

– Как же я пойду, – отвечает Филька. – По стене, что ли? Я ведь не поползень, я угощением не побрезгую, но я могу только слететь.

А хозяйева-то его не понимают! Все «иди» да «иди». Да еще «цып-пып». Что он, курица?

Филька обиделся и отвернулся.

– Ладно, – говорит лесник, – пошли, Митя. Это он боится. Или стесняется. Пусть привыкает.

Ушли. Филька думает: «По-нашему не понимают, но умны. Надо привыкать». Слетел, поел. Понравилось. Чучела сидят, есть не желают, а орлан-белохвост ругаться перестал, клюет рыбу и еще больше пачкает.

Филька думает: «Объясню ему, как надо себя вести».

Взлетел, как тень, да и сел на коряжину. Только раскрыл клюв, а орлан его – крылом по голове! Крыло твердое, как сухая ветка. Свалился Филька без памяти на пол. А когда очнулся, то и вставать не захотел. Лежит и думает: «Ну никакого воспитания! Разве так ведут себя в гостях?..»

Когда этого совёнка отпустят из гостей, он, наверно, ни к кому больше не за-

хочет. Но можно и у себя дома быть хозяином только ночью. Или только днём. В общем, только наполовину. Удобно ли так?

ДВОЕ В ДУПЛЕ

Чуть темнеет, я просыпаюсь. В вечернем полумраке еще не все различишь, но это уже лучше, чем днем,

Итак, я просыпаюсь и выглядываю из дупла. Осторожно выглядываю. Я птица хищная и лучше многих представляю, что такое внезапный бросок. Любая тварь соболиной породы может сидеть у дупла долго-долго, а когда выставишь голову – один удар, и тобою уже закусывают.

Итак, я осторожно выглядываю из дупла, вращаю головой на полный круг – только мы, совы, так умеем – и как мягкий лоскут выпадаю наружу. Ни хлоп-ка, ни шороха, тенью – только мы, совы, так умеем. Я выпадаю и у самой земли распахиваю свои пушистые, бесшумные крылья. Они широки, они мягки, их концы закруглены, каждое их перышко знает свое дело – ни звука, ни звука, ни звука.

Итак, я распахиваю крылья и лечу у самой земли. Мое дерево глядит дуплом в поле, но там еще слишком светло, поэтому лечу я в лес, в сумрак и тесноту. Ах, как ловко я лечу! Даже листика не задену. А все потому что темно. Очень это славно – рассекать темноту.

Уже хочется есть, но, конечно, я не сразу приступаю к охоте. Что же, если ты сова, если питаешься мышами и летающей мелочью, так ты убийца и ничего больше? Глупое мнение, потому что слишком простое. Конечно, пропитание каждый добывает по-своему, однако красотой все любят одинаково. Что летучая мышь, висящая вниз головой, свистящая на лету, любящая мошек, что глупый зайчонок, сидящий столбиком на кочке, жующий различные растения, что грозная сова, оседлавшая высокий пенек и высматривающая зайчонка – все видят одну и ту же луну, все одинаково любят звёздами, все в восторге от душистого теплого ветерка с полей... Да неужели сова такое чудовище, что не даст соловью допеть свою песенку?! Пускай себе свистит, пускай щёлкает на здоровье, пускай создает свои прекрасные мелодии! Ни одна сова так вот сразу не бросится и не сцапает. Слух у совы не только для охоты. Пой, свисти, заливайся! Музыка прекрасна, мы обожаем ее слушать. Вот наслушаемся, тогда другое дело...

Итак, я сижу на высоком пне и люблюсь луной. И вдыхаю душистый теплый ветерок. И слушаю чарующие звуки. И никогда не спешу. Впереди целая ночь, наполненная прекрасной погодой. И налюбуюсь, и наслушаюсь, и надышусь, и налетаюсь. Ну и подкреплюсь, конечно. Не без того. Сначала в лесу, потом в поле. Ночью в полях особенно красиво. Луна. Звезды. Полусвет.

А едва только солнышко забрезжит, едва краешек неба осветится, мне пора на бочок. В последний раз я разгоняюсь у земли и взмываю к самому дуплу. Хороша была ночь, спокойного дня!

Но вот что интересно: кто-то согрел мою подстилку, кто-то спал на ней!

Несколько раз приходила мне мысль: вернуться домой пораньше да познакомиться... Однако не спешу. Я птица хищная и лучше многих представляю,

чем может кончиться такое знакомство. Пока разберемся, кто есть кто, глядишь, один другого уже на косточки разбирает. Ну и зачем это нам? Что нам, без этого плохо?

Просыпаться надо задолго до рассвета.

Это не от страха. Я знаю, конечно: кто-то живет в моем дупле. Наверняка это какое-то ночное существо, потому что я никогда не застаю его по вечерам. Подстилка еще теплая, а оно исчезает на всю ночь. И появляется, как я полагаю, сразу после моего вылета. Может быть, и оно боится меня. Это неудивительно: в нашем мире все друг друга едят и потому каждый хоть немного да боится. Особенно бояться неизвестного: а вдруг оно кусается! Признаться, я тоже побаиваюсь. Но улетаю рано не из-за страха. Вернее сказать, страх у меня другой. Это странный страх. О нем можно разговаривать только с самим собой. Потому что боюсь я вот чего: вдруг с солнцем что-нибудь случится, если я его не встречу? И это не смешно, потому что это не пустой страх. Ведь бывали случаи, когда солнце не показывалось из-за туч весь день. Однажды оно стало совсем чёрным. Какая-то круглая тень напозла на солнце, от него остался лишь тонкий блестящий ободок, а кругом была ночь, и это было страшновато. Звери побежали, птицы закричали, все заметались, и никто никого не ел. Но это продолжалось недолго, черная тень сползла с солнца, и все занялись своими делами. Но я тогда еще сильнее уверился, что кто-то должен постоянно за солнцем следить: встречать его утром, провожать вечером и петь ему весь день. Если хорошо держат крылья да если есть голос, это не так уж трудно,

Правда, многие считают, что жаворонок поет ради еды. Будто бы он свистом, как ночная тварь летучая мышь, находит в воздухе мошек и тут же их глотает, даже не переставая петь. Это правда, но только отчасти. Если бы все жили только заботами о еде, в мире не было бы мелодий. А разве посмеет кто-нибудь спорить, что у каждой птицы – своя мелодия?! Никто не спутает по голосу даже ворону с галкой. Или сороку с кедровкой. Хотя у них и не мелодии, а просто грубый крик. Что касается мелких птиц, то это ведь настоящие музыканты! Притом серьезные, работающие над своими мелодиями, чтобы каждая была не похожа на все другие.

Сделайте вот что. Прилетайте в поле до восхода солнца, когда еще туман и не блестит роса, послушайте, как мы поем в высоте. Мы первыми видим солнце, поем для него хором, но вслушайтесь: нет даже двух похожих мелодий! А вы говорите – мошки. Не в мошках счастье и даже не в семенах. Мошками заполнен воздух, семенами полны поля, всем этим кормом полны животы наши, а мы – все равно поем! Вот что самое интересное! И никто из поющих тайну эту не откроет. Не потому что уговор такой, а потому что никто ее сам не знает. Поём – и всё. Поём, потому что нравится. С утра до вечера. Видим солнце первыми, провожаем его последними. И чем это для нас выгодно, никому не узнать. Я считаю так: если можешь молчать – молчи, а не можешь – пой, как умеешь, и не стыдись. Это украшает короткую нашу жизнь.

Но вот солнце – за лес, а мне пора в дупло. Я знаю, что внизу уже полумрак и мое место свободно, однако не тороплюсь. Вдруг второй жилец там замешкает-

ся. Тогда мы встретимся. А я с этой встречей не спешу. Что, если это какой-нибудь неинтересный, молчаливый, лохматый зверь? Он ходит вразвалку, роется в земле, хрюкает или крякает или урчит. А мне хочется, чтобы это была птица. Такая же, как я. Поющая ночами. Я думаю о ней и представляю, как мы однажды случайно встречаемся и показываем друг другу свои мелодии. А потом поём вместе на два голоса, и получается складно. Получается интересно, и все слушают нас с удовольствием. И можно даже вместе полетать. Совсем немного.

Разве об этом не стоит помечтать? И разве для этого так уж обязательно встречаться?

Так и живут они в одном дупле – жаворонок и сова. Не встречаются никогда и встречаться не хотят. Оно и лучше, правда?

Живут вместе, спят на одной подстилке, но друг друга не знают. И встречаться не хотят. Странная, но – гармония.

А бывает, что и без всякого хотения приходится встречаться. И одинаковым, и совсем разным, и просто похожим или занятым одним делом, но – по-своему. Вот несколько историй о таких встречах – без хотения.

ЛОШАДИНАЯ СИЛА

Встретился с лошадью грузовик. У нее на телеге сена стожок, у него в кузове – бочка бензину. Удивляется грузовик:

– Ты что такое?

– Не что такое, а кто такая. Лошадь я.

– Ло-о-ошадь? Ну и сколько же в тебе лошадиных сил?

– Я одна, значит, и сила во мне – одна.

– Всего-то? – Грузовик даже фыркнул. – А во мне – целых сто!

– Ну и что? – спрашивает лошадь.

– А то, что я сильнее тебя.

– Ну и что? – снова лошадь спрашивает.

– Да то, что я нужнее тебя!

– Кому же ты нужнее?

– А всему свету! – говорит грузовик.

– Почему же ты так решил? – спрашивает лошадь.

– А потому, что все люди работают на меня. Они меня моют, они меня смазывают, они для меня бензин делают, гаражи строят, чтобы я там жил, дороги – тоже для меня. Люди даже специально учатся, чтобы меня обслуживать! Да это всем известно. Ты откуда такая глупая?

– Я дружу с одним бородатым человеком, – сказала лошадь. – Мы вместе работаем и вместе живем.

– И у тебя тоже есть гараж?

– Есть. Он называется конюшня.

– А чем тебя заправляют?

– Меня не заправляют. Меня кормят вот этим сеном, которое на телеге. Оно не очень-то мне нравится.

– И надолго тебе его хватит?

– На всю зиму.

– Гр-гр-гр! – Грузовику смешно. – Это ср-р-рам! У меня в кузове бочка бензину. Мне его и на неделю не хватит. Вот как надо кушать !

– А что ты умеешь? – лошадь спрашивает.

– О-о-о! Я могу быстро мчаться, я могу много дней не отдыхать, я могу везти в кузове сразу три тонны! Вот сколько весит твое сено?

Не успела лошадь ничего сказать, как на крыльцо вышел председатель колхоза и крикнул:

– Эй, Семёныч!

Появился старик с бородой.

– Семёныч, – спросил председатель, – ты Витьку не видел?

– Витька в конторе, – ответил старик. – Он сам с собой в домино играет.

– Эт-то почему?

– Ему велено подождать Зинаиду и отвезти её в город за документами.

– Что еще за ерунда! – закричал председатель. – Где это видано, чтобы из-за каких-то бумажек гонять в город целый грузовик? Твоя лошадь вон три тонны сена за раз привезла, а стосильный грузовик воздух в кузове возит! Пускай Зинаида за этими документами на мотоцикле съездит. А ты – сгрузи сено, лошадь распряги, отдохнуть ей надо, потому что после обеда я верхом поеду по полям, чтобы машиной колосья не мять. Витька же пусть бросает свое домино, садится за руль и едет за овсом. Нечего лошадей на одном сене держать. Полный кузов зерна пусть привезет.

Бородатый Семёныч позвал молодого Витьку, и Витька стал заводить мотор грузовика. Мотор чихал и не заводился.

Семеныч взял лошадь под уздцы и отправился на конюшню, разгружать сено.

Грузовик смотрел вслед лошади, чихал мотором и думал: «Плохо она живёт. Всего одна лошадиная сила, а столько тащит». Он боялся, что теперь его заставят тащить триста тонн, и не хотел заводиться.

А лошадь отдохнула после сена, повозила председателя по полям и к вечеру вернулась в конюшню. Она не очень устала. На полях были вкусные травы и хорошо пахло цветами.

Когда грузовик привез полный кузов овса, лошадь подумала: «Конечно, машины не всё умеют, но они тоже нужны. Однако что это за удовольствие – глотать бензин? Такая гадость...»

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Раньше ящик висел на столбе у калитки. Старая калитка вела во двор. А во дворе хмуро темнел старый дом. Жили в доме старик со старухой. Ждали внука с войны. А внук всё воевал, все не ехал. Только письма писал. Вот из-за него ящик и повесили. Кроме внука писать-то старикам было некому. Их сын и жена их сына погибли еще на прошлой войне.

Письма с войны приходили по-разному. Бывало, неделями почтальон носил одни газеты. А бывало, опускал в ящик сразу два-три письма. Известное дело

– с войны доставлять почту не так уж легко. Но старики, наверно, этого не понимали: они заглядывали в ящик по нескольку раз в день.

Газеты они читали внимательно, только там об их внуке ничего не было. Часто называли там взятые города, отличные полки. Попадались имена солдат и офицеров. Но имя своего внука старики и не ожидали увидеть в газетах: работа у него была секретная.

Из-за этой секретности писал им внук не о своей работе, а о разных смешных случаях из солдатской жизни.

«Враги совсем не умеют стрелять, – писал внук. – В меня, например, за два года ни разу не попали. А когда мы идём вперед, они разбегаются во все стороны».

«Два дня назад, – писал он в другом письме, – один наш совсем неопытный солдат нашел вражескую мину. Он думал, что это простая болванка, и стал заколачивать миной гвоздь. И мина не взорвалась, потому что была изготовлена в конце месяца».

Старики читали эту чепуху и не смеялись, потому что из газет они знали, как стреляют враги и какие у них мины. Но они радовались тому, что внук шлёт письма, – значит, живой.

Старый почтовый ящик шептался с газетами и письмами и, разумеется, знал все новости. Но он, конечно, никому ничего не рассказывал – ни воробьям, которые садились на калитку, ни кошке, которая охотилась на воробьев, ни собаке, которая лаяла на кошку и уважала почтальона. Ящик знал, что такое почтовая тайна, и вообще любил порядок. Однажды, например, когда его забыли запереть, он до тех пор хлопал дверцей на ветру, пока хозяева не исправили ошибку.

Настало время сносить старые дома, и старик со старухой получили квартиру в первом этаже большого каменного дома. Ящик был совершенно горд, когда его, наравне с кошкой и собакой, перевезли в новое жилище. И совсем не огорчился, когда собаку и кошку пустили внутрь, а его повесили на дверь снаружи. Такая служба, ничего не поделаешь.

Если подняться на несколько ступенек, то можно было увидеть множество новеньких, весело выкрашенных почтовых ящичков, на которых были написаны номера квартир. Но старики упросили нового почтальона опускать газеты и письма в их старый ящик. Им казалось, что этот ящик должен приносить удачу их внуку: раз уж два года ничего не случилось, то не случится и теперь – враги промахнутся, мины не взорвутся.

Жизнь почтового ящика стала не такой интересной, как раньше. Правда, новости с войны улучшались, дело там шло к концу, однако не было весёлых воробьев, не было ни солнца, ни дождя, не было ветра, чтобы похлопать дверцей, а кошка и собака больше не ссорились и, когда их выпускали погулять, у двери задерживаться не любили – сразу мчались на улицу. К тому же повадился хулиганить мальчишка с восьмого этажа. Он почему-то злился, что всем носят письма на лестничную площадку, а старикам – отдельно, в собственный ящик. И он придумал подлость: раздобыв спичку, чиркал ею о стену и бросал огонь в почтовый ящик. Это было крайне опасно: два раза газеты начинали тлеть, а од-

нажды обуглился край конверта. Ящик сердился и всё время обдумывал план: как бы покрепче прищемить злодею пальцы.

И такой день наступил, хотя он и стал самым несчастным днем в жизни почтового ящика.

Хлопнула дверь подъезда, мелькнула в ярком свете фигура почтальона, опять наступил полумрак, но когда почтальон доставал из сумки тонкий казенный конверт без марки, ящик легко разглядел суровость его лица.

Тонкий конверт упал на дно ящика, а почтальон, который при каждом письме радостно звонил старикам в квартиру, на этот раз молча и быстро ушёл. Впрочем, в тот момент стариков не было дома.

– Что случилось? – проскрипел ящик. – Дурная весть?

– Хуже не бывает, – ответил со вздохом конверт.

Внутри конверта было тихо. Дурные вести всегда молчаливы.

– Да-а-а, – проскрежетал ящик, – зря они понадеялись на мою удачу.

– Лучше бы мне потеряться, – конверт снова вздохнул. Ящику эти слова не понравились.

– Как же это, голубчик, понимать? – сказал он сурово. – Как вы могли даже подумать?.. Что бы там ни случилось, а попрошу не забывать: мы с вами на службе, и служба – превыше всего!

– Служба для вас выше сострадания? – простонал конверт.

– Увы, это так, – сухо сказал ящик. – И дело вовсе не в том, что я железный, а вы сделаны из живой древесины. Дело в дисциплине. Почтовое отправление должно быть отправлено и доставлено по назначению и в срок, а если возможно, то и раньше срока. И никаких потерь, никаких утрат! Потери и утраты – дело тех, кого мы называем отправителями и получателями. А наша служба, повторяю – сохранность и доставка любой корреспонденции, какие бы сведения она ни содержала. Вы согласны, Дурная Весть?

Ответа не последовало. Внутри конверта сохранялась гробовая тишина.

– Что ж, – проскрипел ящик. – Молчание – знак согласия.

В эту минуту снова хлопнула дверь, и в подъезд влетел мальчишка с восьмого этажа. В руках он держал спички и тетрадный листок, свернутый жгутом. Быстро оглядевшись, хулиган чиркнул спичкой, поджег свою бумажку и, оттянув пальцем дверцу ящика, сунул туда огонь.

– Н-н-ну! – лязгнул ящик. – Дер-р-ржись!

Он напрягся и прищемил мальчишке палец. Хулиган взвизгнул от боли и рванулся. Но ящик не отпускал. Вставленная в щель бумага хорошо разгорелась и прижгла палец.

– Пусти! – завопил мальчишка.

– Хе-хе, – ответил ящик.

Мальчишка взвыл, отчаянно рванулся, ободрал палец до крови, но все же освободился. В три прыжка он достиг лифта и, поскуливая, уехал к себе на восьмой этаж.

В ящике между тем бушевал огонь. Пока щель, благодаря пальцу, была широка, успел на сквозняке разгореться конверт, и спасенья Дурной Вести уже не было. Вот тут-то ящик и услышал её голос:

– Какое счастье! – вопила Дурная Весть. – Никому и никогда не выпадало такой радости! Славный, замечательный, великодушный мальчишка! Превосходный, чудесный, спасительный огонь! О скорее, сильнее, смелее, дотла!..

– Что за глупости? – забормотал ящик. Ему было больно, на нём коробилась краска. – Что за нежности к этому паршивцу? А как же хозяйева?

Дурная Весть вопила, радовалась и не желала отвечать. Она была целиком занята собой. За нее ответил конверт.

– Глупое ты железо! – Конверт задыхался и уже не заботился о вежливости.

– Тебе нас, живых, не понять... У людей горе...

– А служба? – возмутился ящик. – А долг? А дисциплина?

– Подождут, – прошептал конверт, догорая. – Им теперь не к спеху...

Дело вкуса, как говорится. Кому овёс, кому бензин, кому огонь. Все трудятся, но каждый – по-своему. И цели у всех разные. И счастье у каждого своё. Кто-то всю жизнь таскает тяжести и радуется свежей травке, кто-то железно стоит на своём месте, а кого-то возьмут да и сделают игрушкой.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

На площадке весной грязно, мячом играть неудобно. Ребята посидели, покучали, решили склеить бумажный змей.

У Гришки была доска. Он хотел из нее делать самострел. Но передумал ради змея, принес доску.

У Евгешки острый ножик. Он из доски лучинок нащепал.

Максим сбегал за нитками.

У Мити нашлась бумага.

Клей был у них еще с прошлого лета – столярный, в консервной банке. Долили в банку воды, подогрели на костре – клеите на здоровье.

Оля сняла с платья поясок:

– Не полетит же змей без хвоста.

Связали, склеили, против ветра побежали, за нитку потянули. Быть Игнату инженером – это он змея сконструировал.

Ветерок дует, небо рядом, змею нравится лететь. Выше, выше, вот и облачко. Совсем маленькое, змеев хвост не помещается, торчит наружу.

Ребята снизу видят один хвост и хохочут:

– Облако с хвостом!

А змей летит еще выше, натягивает нитку, Игнат катушку еле успевает крутить.

Выше облачка змей поднялся, а там – ласточки. Кружатся, ловят мошек и кричат:

– Высоко мошки залетели, быть хорошей погоде!

– А почему? – спрашивает змей.

– Да кто ж это знает? Такая примета: мошки высоко – к хорошей погоде. А ты кто?

– Я – бумажный змей.

– А для чего ты?

– Меня ребята сделали. Спросите у них.

Ласточки послали вниз гонца, а сами вокруг змея летают, он им нравится.

Вернулся гонец и говорит:

– Меня ребята не понимают.

– Ладно, – говорят ласточки, – ты, змей, сам у них спроси.

– Да мне спускаться неохота, я не налетался. Первый раз!

– Тогда полетели с нами!

– Хорошо, – говорит змей. – Только надо нитку оборвать. Подождём ветерка.

– А чего ждать, – кричат ласточки. – Эй, ветерок, дунь покрепче!

– У-у-ух! – дунул ветерок. И нитка змеева порвалась.

– Только быстро не летите, – просит змей. – Я быстро ещё не умею.

– Научим!

Ребята внизу печалются, Оля хмурится, а змей летит себе все дальше и ласточки с ним.

Долго ли так летели, никто не считал. Просто летели и разговаривали. Было змею хорошо, хвост он держал по ветру, бумаге не позволял трепетать, а ласточкам не давал гнуться. Здорово летел, хоть и впервой было ему. И ласточки хвалили:

– Как птица летишь!

Но тут явился коршун и грубо спросил:

– Это что с вами за урод?

– Сам ты урод! – закричали ласточки. – Порхай отсюда, пока цел!

И стали коршуна прогонять.

Смотрит змей: ласточки быстры, коршуна клюют, ему не увернуться. Но видит змей: коршун-то не урод. Коршун-то силен и красив, летит быстро, змею никогда так не сумеет,

Ласточки коршуна гонят, а змей глядит им вслед и грустно ему, и вянет он, и хвост у него уже повис, а бумага затрепетала.

Падает змей. Ласточки его не видят, коршуна гоняют, ветерок позвать некому, а сам змей – стесняется.

Зато ребята внизу прыгают и очень рады. Побежали через площадку, сами перемазались, а змею в грязь упасть не дали.

– Хороший змей получился, – сказала Оля. И все решили:

– Найдем нитку покрепче и в следующий ветер снова запустим.

«Вот тогда и улечу», – подумал змей. И незаметно качнул хвостом.

Вот ведь бывает: не хочешь, да полетишь. А когда летать понравится, тут и на землю пора: ведь все полёты когда-то заканчиваются. Да хорошо, если не разбился и не шлёпнулся в грязь. А кому-то всю жизнь ползать по земле. Но это им нравится, хотя встреч неожиданных тут побольше, чем в небесах.

ЗМЕЯ

Ш-ш-ш-ш... Ползет по травке черная гадюка. Ползет, извивается, все как полагается. Глазами страшными на солнце поглядывает, а солнышко печет. Гадюка голодна. Однако пусто кругом.

Кончилась травка, ползет гадюка по песочку и вдруг видит прямо перед собой другую черную гадюку. А может быть, и не гадюку. В толщину такая же, но очень уж длинная: ни хвоста, ни головы не видно. Думает гадюка: «Надо поздороваться. Но в какой же стороне голова? Скорей всего, лежит она хвостом к солнцу. А солнце справа. Значит, ползу налево». И поползла.

Долго ползет гадюка, а начала незнакомой змее все нет. Лежит она, даже не шелохнётся, хоть гадюка и трогает ее правым боком – из вежливости: ползу, мол, здороваться. А слева потянулся черный вал свежей земли.

«Найти бы здесь червячка», – думает гадюка.

А червячок – тут как тут. Выпал из земляного комка, извивается на песке, не любит солнца.

– Хорош-шо, – говорит гадюка. – Перекуш-шу...

– Не ешь меня, – просит червяк, – я и так несчастный.

– В чём же твое нес-счас-стье?

– Рыли люди канаву, дом мой разрушили, дети малые плачут.

– Так зови их с-сюда! – говорит гадюка. И смотрит страшными глазами.

– Ни за что! – отвечает червячок.

– Тогда с-сам в меня перес-селяйс-ся. Вс-сё равно тебе жить негде. Ам!

Проглотила червяка и дальше вдоль змеи ползет.

Щёлк!.. Прямо к ее носу прыгнул кузнечик. И замер от страха, ноги подломились.

– Иди с-сюда, – говорит гадюка. И смотрит страшными глазами,

– Не ешь меня, – просит кузнечик. – Мне и так плохо.

– А что такое?

– Рыли люди канаву, дом мой сломали. Где теперь жить?

– Яс-сно, – говорит гадюка. – И дети малые... Ам!

Проглотила кузнечика, дальше ползет. А из кучи земли прямо к ней лягушка вываливается. И сразу квакает:

– Не ешь меня! Я и так обиженная!

– Что такое? – спрашивает гадюка. – И твой дом с-сломали?

– Канаву рыли, мою лужу засыпали. Еле спаслась!

– Ну, ус-спокойс-ся, – говорит гадюка. И смотрит страшными глазами.

– У меня там лягушата остались, – плачет лягушка.

– Ах ты с-сиротка, – отвечает гадюка. – Ам!

Съела бедную лягушку и думает: «Хорош-шо заправились-сь. До завтра есть не захочу».

И ползет дальше вдоль змеи – надо же поздороваться.

Кончилась неизвестная змея. И видит гадюка, что вместо головы торчат из нее тонкие разноцветные червячки с блестящими головками. Множество! Но ни один не двигается. «Чудо! – думает гадюка. – А ну, кус-сну...»

И куснула червячка. Лязгнули зубы по твёрдому.

– Нес-съедобно! – удивилась гадюка. – Вот так змея...

Огляделась, куда бы теперь залечь в тенёчек, чтобы отдохнуть. Смотрит, а земляной вал кончился. Поползла гадюка мимо него и увидела ту самую канаву, о которой говорили червяк, кузнечик и лягушка. Заглянула – глубоко, стенки

крутые. А в канаве, в тупике, сидит мышь. Большая, упитанная и печальная.

– С-сидиш-шь? – спрашивает гадюка. И смотрят страшными глазами.

– Сижу, – отвечает мышь. – Горюю.

– Что же у тебя за горе?

– Да рыли люди эту канаву, мою норку попортили, запасы погубили. Чем буду детей кормить?

– Не горюй, – отвечает гадюка. – С-сейчас-с с-сползу...

– Не лезь сюда, – говорит мышь. – И меня погубишь, и сама не выберешься.

– Тёпленького хочетс-ся, – говорит гадюка. – С-сползу.

– Пожалеешь, – говорит мышь. А двинуться не может – смотрит на нее гадюка.

Сползла жадная в канаву и проглотила мышь. Лежит в прохладе, толстая, довольная и думает: «На два дня заправились-сь. Или даже на три. Хорош-шо».

До следующего полудня спала, а проснулась оттого, что на нее что-то упало. Смотрит – а это длинная вчерашняя змея. Вся лежит в канаве, а то место, где не было вчера головы, чем-то обмотано и торчит наружу. И слышит гадюка сверху голоса людей.

– Ну, давай засыпать!

– Сейчас начнём!

«Это хорошо, – сонно думает гадюка. – Они зас-снут, а я по этой змее вы-ползу наверх».

– погоди! – слышится сверху голос. – Там, кажется, змея!

Замерла гадюка. Люди таковы, что могут запросто убить, даже есть не stannoт. Взлететь бы сейчас...

– Да нет! – отвечает другой. – Это просто обрезок кабеля. Засыпаем!

Сверху посыпались комья земли, и гадюку зарыли в канаве. Вместе с кабелем.

Больше про нее рассказывать нечего.

Если ты рождён ползать и тебе это нравится, всё равно хоть раз в жизни, а захочется взлететь. И не только со страху, из канавы. Например, когда влюбишься в такого, кто летает. А летающий влюбится в кого-нибудь плавающего, а плавающий – в бегающего... Что же из этого может получиться?

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ

Когда удаву впервые довелось увидеть мотылька, удав затрепетал. Он без сил повис головою вниз на толстой ветке и в отчаянии раскачивался и бился лбом о ствол магнолии.

«О несправедливость природы! – стонал удав, и этот стон сотрясал судорогой все его шестиметровое тело. – О безысходность ползучего одиночества! О вечное пресмыкание взамен полета! О защитный сетчатый узор вместо радужной яркости! О бронированная шкура вместо хрупкого хитина! О смертельная тяжесть кольцевых мускулов вместо воздушной легкости душистой пыльцы на крыльях!...»

Увидев мотылька, удав неудержимо, неумолимо, безушечно возмечтал о по-

лётё и, всем телом чувствуя безнадежность мечты, предался отчаянию с той некротимой силой, которая доступна лишь крупнейшим среди змей.

«Вот жизнь, не знающая омрачений! – завидовал удав мотыльку и тянулся в безмятежное небо страшной сплюснутой головой. – Вот мечта, за которую не жалко отдать мою ползучую жизнь!»

А жизнь мотылька вовсе не была столь безоблачной, как небо, в которое устремлялся удав. Постоянно приходилось опасаться тех, которые кроме крыльев имеют еще клюв, и даже тех, которые скачут по траве и квакают. А не далее как час назад судьба и ветер забросили его в воздушные просторы над страшными глубинами океана. Опасность поставила его на грань жизни и смерти: поднимись волна или налети чайка – и мотылька верный конец. Но именно в минуту опасности пришла к нему высшая радость и глубочайшая зависть, какую только может испытывать крылатое существо. Мотылек увидел голубую акулу.

Сначала его внимание привлек острый, похожий на нож, на парус, на крыло могучий плавник, а затем из воды стало выпрыгивать огромное прекрасное тело. Резвясь у самого берега, хищница привела в трепет всех, кто её увидел. Всех, кроме мотылька. Это невесомое существо было потрясено неотвратимой, неостановимой мощью движений чудовища, непередаваемым совершенством законченных обтекаемых форм, скользкой кожей, недостижимой способностью мчаться сквозь толщу вод с какой угодно скоростью.

С трудом преодолев порывы пассата, мотылек раскинул крылья над большим цветком высокой магнолии и кружил, кружил, не переставая мечтать о счастливой возможности вот так же резвиться в зеленой воде у берега или без страха уходить в открытый океан. Он не сомневался, что судьба очень скоро пошлет ему это счастье, и он встретится с предметом своего обожания.

Между тем голубая акула вовсе не резвилась, когда выпрыгивала из воды у самого берега. Будучи весьма близорукой, она подкралась к берегу, чтобы разглядеть вблизи предмет своего давнего обожания.

Это была юная стройная лань, которая у самой воды грациозно чистила мокрым песком свои изящные копытца. При первом же прыжке океанского чудовища лань так испугалась, что сначала у нее отнялись задние ноги. Акула успела трижды выпрыгнуть из воды и восхититься своим кумиром, прежде чем кумир вспомнил, как надо отталкиваться задними ногами, чтобы сделать самый большой из всех возможных прыжков. Этот прыжок совпал с четвертым прыжком акулы и привел хищницу в такое восхищение, что она решила: «Сейчас подкреплюсь, и с завтрашнего дня целью моей жизни станет суша. Или я умру или познакомлюсь с этим пределом совершенства, у которого такие стройные ножки и такие маленькие тонкие рожки».

Ничего не подозревая о замыслах друг друга, удав, мотылек и акула стали готовить себя к подвигу всей своей жизни и в один прекрасный день все трое разом решились.

День был поистине прекрасным. Мягко светило солнце, сверкала роса на цветах, небо и океан застыли в неподвижности...

Настала секунда, когда удав почувствовал, что это его время.

Тугой пружиной он рванулся в небо и – полетел. Ни он сам и никто другой никогда не поймет, почему это произошло, но многие видели, как огромное тело полетело с магнолии не вниз, на чью-то спину, а все выше и выше, извиваясь и ускоряя полет.

Увы, в небе удав не застал мотылька. Секундой раньше порхавший над застывшими водами океана мотылек отбросил в стороны свои роскошные яркие крылья и незаметной змейкой нырнул в заветную прохладную глубину, чтобы подружиться с акулой.

Но не повезло и мотыльку. В ту секунду, когда он погружался в соленую воду, голубая акула решительно выбросилась на песок, уверенно заработала хвостом и плавниками и двинулась на встречу со стройными ножками и тонкими рогами юной лани, без которой она больше не мыслила своего существования.

Что же юная лань?

Увы, читатель, не повезло и нам. Мы никогда не увидим ее встречу и ее дружбу с кровожадной голубой акулой. Еще вчера вечером, готовясь к полёту в голубое небо, бедной ланью поужинал удав.

Выходит, что нет в мире ни равновесия, ни справедливости? Может быть, где-то есть, а где-то и нет. Кто думает, что нет, тот старается как-нибудь изловчиться и всех перехитрить: обойти и невезение, и несправедливость, чтобы потом сказать: «Да нет, всё на свете очень хорошо и правильно». Кто летает, тому это кажется легче. Кто ползает, тому труднее.

МУХА

– А-а, ж-живущий в щели! – Муха усмехнулась. – Что ж-ж, присоединяйся.

Большая и свежая хлебная крошка пахла чудесно и лежала совсем недалеко от печи: при опасности можно успеть скрыться. Если, конечно, вовремя заметить и хорошо побежать.

– Я с-с ох-хотой, – прошептал таракан. – Х-хлеба х-хватит вс-сем. Только не надо так ш-шуметь... Люди...

– Люди?! – Муха захохотала. – Люди неуклюж-жи! Они никогда ничего не успевают! Грыз-зи и не обращай на них внимания!

– Да тиш-ше ты, – шептал таракан, оглядываясь и давясь хлебом. – Тебе х-хорош-шо, ты летаешь-шь...

– И ты летай! У тебя ж-же тож-же крылья!

– С-слабые, – пожаловался таракан. – Помогают только, когда с-со с-стены прыгаешь-шь.

– Вы просто не горды, ж-живущие в щелях. Была бы гордость, вы давно бы летали и никого не боялись.

– Это ещ-щё как с-сказать. Вон клопы: живут по щ-щелям, тих-хо вс-сех-х с-сос-сут – и ничего. А комар – гордый – звенит громко, кус-сает больно, вот и убивают.

– А з-зачем кусать? Еды и так полно!

– С-соглас-сен. Но за что же нас-с убивают, ес-сли мы не кус-саем?

– Не любят нас, – сообщила муха, – потому что у нас ж-жиз-знь другая. Ну

з-за что меня любить? Ж-жуж-ж-жу, круж-ж-жусь, саж-жусь, мешаю. А бывает, и кусаю!

– Но меня-то за что? – скулил таракан. – Не меш-шаю, не кус-саю, крош-шки за вс-семи с-съедаю... Ну, с-сорю немного.

– Да мы им просто противны, – заявила муха.

– А я их-х люблю, – сказал таракан. – Они теплые. А с-самые луч-ш-шие из них-х бывают с-сырые. Люблю с-сырос-сть.

– Да кто ж-ж её не любит! – засмеялась муха.

– Ой, идет! – вскрикнул таракан и метнулся к щели. Вслед ему хохотала муха.

– Далеко ж-же! Куда ж-ж-ж ты?

Человек ударил башмаком. Муха с хохотом увернулась, ударилась назло о его щеку, полетала вокруг головы, задевая за нос и уши, потом бесшумно спланировала к печке и по полу побежала к стене, где была тараканья щель. Оттуда торчали рыжие усы.

– Ну как? – спросила муха.

– Умираю от завис-сти, – ответил таракан. – Лих-хо ты его...

– С ними надо построж-же, – сказала муха. – Пусть уваж-жают.

– Ой, он с-сюда крадется! – задрожал таракан.

– Ах, так? – рассердилась муха. – Ну, я тебе покаж-ж-жу!

Потирая от ярости передние лапки, она подпустила человека поближе и бросилась на него. Таракан выпал из своей щели и чуть не умер от смеха, глядя на эту расправу, на этот неравный бой. Человек вертелся, махал руками, хлопал себя по щекам, молотил ладонями воздух, а муха победно кружила и была неуязвима.

Наконец побежденный выбежал из комнаты, а она вернулась к щели, совершенно не уставшая, даже не запыхавшись.

– Выс-сш-ший клас-с-с, – восхищённо шептал таракан. – Вос-сторг!

– Да чего ты шепчешь?! – кричала муха. – Я его прогнала, разве не видишь? А вернется, еще не так накаж-ж-жу!

Таракан тоже попробовал завопить, но у него не получилось.

– Эх, ты, в щели ж-живущий, – сказала муха и с жалостью, и с презрением.

– Не то что летать, говорить разучился! Надо вам, тараканам, начинать новую, настоящую ж-жиз-знь. Людей надо в страхе держ-жать!

Таракан смотрел на героиню во все глаза. Он так расхрабрился, что выско-чил из щели и добежал до середины комнаты. Но тут же в панике вернулся.

– Ты чего? – спросила муха.

– Он возвращ-щается, – прошептал таракан.

– Слышу, – сказала муха небрежно. – Пол дрож-жит. Смотри теперь, что я с ним сделаю!

Дверь медленно отворилась, крадучись вошел человек, держа в руках ниточку.

– Уж-ж не собирается ли он ловить меня ниткой? – Муха расхохоталась. – Что ж-ж, подождём!

Человек огляделся, увидел муху и таракана и все так же крадучись двинулся к ним. Таракан нырнул в щель и позвал муху:

– Прыгай с-сюда! Мес-ста много! С-скроемс-ся!

– Меня – в щель? – Муха захлопала в ладоши. – Вот з-здорово! Вот он по-смеется!.. Так нет ж-ж-же! Не дож-ж-ждётся! Ну, ты, двуногий! Подходи с твоей ниткой поближ-ж-же!

Она подпустила человека, совсем близко и даже позволила ему присесть на корточках. Человек медленно вытянул руки, и ниточка в них стала удлиняться.

– Вот это да! – смеялась муха, потирая ладошки. – На нитке даж-же нет петли! Как ловить-то будешь?

В этот момент таракан услышал, как рядом со щелью щёлкнуло, и вслед за щелчком – сердитое жужжанье мухи:

– Ты это что ж-ж-же? Ты это чем ж-ж-же? Как крылья-то помял! Как спину-то ушиб!

Таракан видел, как муха подпрыгивает у щели, пытаясь полететь, а крылья поломанно торчат в разные стороны и не хотят ей служить. Таракан понял:

– Это не нитка! Это резинка! Прыгай скорее в щель!

– Очень нуж-ж-жно! – Муха жужжала и подпрыгивала. – Не возь-зь-зьмёт!

Но человек сделал шаг, и на том месте, где прыгала муха, таракан увидел огромный ботинок с толстой тяжелой подошвой. Однако муха, помогая себе крыльями, успела отскочить.

– Ха-ха! – закричала она, прыгая мимо щели. – Я ему покаж-ж-жу-у!

– С-сюда! С-сюда! – шепотом кричал таракан из щели. Но муха даже не оглянулась.

Ботинок топнул еще раз, и легкий хруст поведал таракану, что на этот раз человек добился своего.

– А вот не гордись-сь, – прошептал таракан и поглубже забился в щель.

Ночью, когда выключили свет и пол перестал дрожать, он вылез и доел свою хлебную крошку. Уже сухую и не такую вкусную, но – в безопасности.

Наевшись, таракан осмелел и немного побегал рядом со своей щелью. Потом он вспомнил слова мухи о гордости: если стать гордым, можно научиться летать. Он представил себя гордым, расправил крылья, замахал ими и подпрыгнул.

Ничего, конечно, не получилось.

Таракан облегченно вздохнул и отправился спать.

Вот и думай, кем лучше прожить – храброй необразованной мухой или навеки испуганным тараканом. А может быть, ежом? Вот и сказка о нём.

ЩЁТКА

Поймали в огороде ежа и принесли в дом. Щелей нет, окна высоко, дверь заперта – не убежишь. Ходит колючий, топает погромче, фыркает – всех пугает, потому что сам боится. А никому не страшно, все смеются и подставляют ему блюдце с молоком. Он молоко понюхал и ушел под вешалку, в темноту, подальше от забот. Люди решили: «Пусть привыкает» и оставили его в покое.

Тоскливо ежу под вешалкой. Запахи незнакомые и неприятные. Вдруг слышится ему голос: «Новая щетка, что ли?» Огляделся – это сапожная щетка

рядом лежит. Самый неприятный от неё запах, как от человека, но зато – говорит.

– Я не щётка, – ёж отвечает, – я зверь лесной.

– А что в доме делаешь?

– Погибаю.

– Бедненький, – говорит щетка. – Чем же тебе помочь?

Худо ежу, а все равно обрадовался. Даже про щёткин запах забыл. Никто никогда его не жалел. Кто в лесу помельче, те отнять еду норовили. Кто побольше, поймать его старались, когтями доставали, зубом пробовали. Люди вот – взяли в плен. Никто ласкового слова не сказал, всех надо было колоть. А тут – старая сапожная щётка! – помощь предлагает.

Стал он щётку благодарить, стал жаловаться, что теперь ему никто уже не поможет, конец пришел ежу лесному... А щётка подумала, помолчала и шепчет:

– Я очень хорошо придумала, как тебя спасти. Ты только затаись под вешалкой да утром, смотри, не проспай: хозяин на работу уходит раненько.

– Что же надо делать?

– А вот что. Хозяин мой, когда очень доволен, забывчивым становится. И любит он, чтобы сапоги блестели, как ягодки.

– Я тоже ягодки люблю, – говорит еж.

– Будут тебе ягодки, – говорит щетка. – А завтра утром твое дело – сидеть тихонько и во все глаза на дверь смотреть. Я уже не молода, я себя берегу, чтоб подольше не выбрасывали, но завтра я ему так сапоги начищу, что он от радости дверь-то и не закроет. Смело беги тогда следом и сразу – под крыльцо. Ночи дождешься и уйдешь. Понял?

– Понял! – шепчет ёж. – Если спасешь, век тебя не забуду, из любой беды спасу.

Вот настало утро.

Все вышло так, что лучше и не надо. Хозяин вкусно позавтракал, пришел к вешалке веселый, сапоги надевал – посвистывал. А щётка уж так летала, так драила, так мелькала, что засверкали сапоги, как ягодки.

– Э-эх-х! – сказал хозяин. Бросил щётку чуть ежу не по голове, притопнул, присвистнул и пошел из сеней с приплясом, дверь затворить забыл.

– Давай! – шепнула щётка ежу.

Бросился он за дверь и, когда хозяйка поспела, чтобы дверь закрыть, сидел еж под крыльцом да щетку добром поминал.

Прошло лето.

Прошла осень.

Еж завернулся в сухие листья да и проспал в дупле до весны. И ничего ему не снилось, и было ему хорошо.

Опять настало лето. И как-то раз лапы принесли ежа к тому огороду, где он попал к людям в плен.

Память у ежа короткая, хотел снова залезть в огород. Но услышал вдруг тихий голос:

– Опять захотел в неволю? Меня там нет уже.

Огляделся – рядом та самая щётка, совсем истёртая.

– Что здесь делаешь? – спрашивает ёж.

– Пропадаю. Стара стала, выбросили меня.

– Ну, что же, – говорит ёж, – выбросили так выбросили. Бывает.

– Скучно под забором, – говорит щётка. – Поговори хоть ты со мной, а больше мне ничего и не надо.

– Не хочу, – отвечает ёж. – Пахнет плохо от тебя.

И убежал.

А щетка, между прочим, до конца не пропала. Шел Евгеша, подобрал ее и сделал хо-ороший парусник.

До сих пор плавает. Щетка-то была деревянная, а если дерево покрасить, оно долго живёт.

Люди говорят: «Самые большие грехи – предательство и неблагодарность». Но зверюшки это знают не все. Вот и поступают иногда не по-людски. К тому же они бывают злопамятными. Попадёшься такому зверю в беззащитном состоянии – держись, будь ты даже вооружённый человек.

Об этом – две истории подряд.

ТЕТЁРКИНО КРЫЛО

Ходил охотник в тайгу, нашёл зайца. Это у них только так называется – нашёл. А на самом деле – просто увидел и застрелил. Заяц ему попался неопытный, молодой – любопытный. Сидел столбиком и глазел: что это за зверь на двух ногах да с палкой, что он делать хочет? Узнал, что такое ружье, да поздно.

Зайца охотник отдал своей хозяйке, а задние лапки отрубил и проволокой связал: крошки смахивать со стола.

Тут и поздно, все спать пошли.

Висят на гвозде лапки, горюют между собой.

– Нам бы тогда прыгнуть хорошенько, – говорит правая.

– Нипочём бы не догнал, – говорит левая.

– Что не догнал, – говорит правая, – из ружья бы не попал.

– И не надо было на виду сидеть, – говорит левая.

– А теперь век тут висеть, – говорит правая.

– Ещё посмотрим, – говорит левая.

– Тошно, – говорит правая.

– Тошнёхонько, – говорит левая.

И вдруг слышат снизу серый голос.

– Вам-то еще ничего. На чистой стенке. А меня из-за вас под печку бросили.

Утром в огне сожгут.

Пригляделись – крыло под печкой. Старое и грязное.

– Ты чьё? – спрашивают.

– Я – тетёркино крыло.

– И давно ты здесь?

– Давненько. Не поладили мы с левым крылом, не успела хозяйка улететь.

– Что ж вы так? – спрашивает правая лапка.

– А что, – говорит левая, – бывает. Мы-то с тобой разве не ссорились?

– И то, – говорит правая. – Ссориться нам больше нельзя.

– А вам теперь уже все равно, – говорит крыло. – Отбегались.

– Ещё посмотрим, – говорит левая лапка. А правая спрашивает:

– Ну, каково тебе, крыло, жилось?

Крыло подумало и отвечает:

– Каково было попервости, я уж и не помню. Потом стало привычно. После завтрака со стола сметешь – и висишь до обеда. После обеда сметёшь – отдыхаешь до ужина. А после ужина совсем хорошо – всю ночь тебя не трогают, мухи на тебя не садятся, только разве таракан какой пробежит.

– Гадость какая! – сказали лапки хором.

– И вовсе нет, – возразило крыло. – Тараканы очищали меня от крошек. Они вообще очень чистоплотны, все время чистятся. Только вокруг себя сорят.

– Ф-фу! – сказали лапки.

– Ничего, привыкнете. Работа здесь не такая трудная, как на воле... А мне теперь конец.

Провисели лапки молча до полуночи, тут левая и говорит:

– Пора!

– Пора так пора! – говорит правая.

Спрыгнули с гвоздя и рядом с крылом оказались.

– Пошли с нами, – говорит левая.

– Уйдем через кошачий лаз, – говорит правая.

Крыло подумало, попыталось пошевелиться и отвечает:

– Не могу. Ходить не умею, прыгать не обучено, а летать одному крылу без другого – никак нельзя: опоры не будет. Идите сами.

Ушли лапки. А крыло тосковало до утра: вот люди встанут, печку растопят – и бросят его туда.

Утром люди встали, печку растопили. Хотела хозяйка бросить крыло в огонь, да посмотрела на гвоздь и спрашивает хозяина:

– Ты куда лапки-то девал?

– Однако на гвозде должны, – отвечает хозяин. Обыскали всю избу, завтрак на печи пригорел – не нашли лапок.

– Утащила крыса в кошачий лаз, – говорит хозяин.

– Или лаз этот забей, – сердится хозяйка, – или я другого кота заведу.

– А этого куда?

– А этому лодырю лапы отрублю, буду со стола сметать.

Кот как услышал, быстренько проснулся и – на печь! Хозяева смеются, а у него шерсть рыжая дыбом, белая – вся дрожит, хвост трубой, а уши полегли.

– Ладно, – говорит хозяин, – куда девать такого умника? Забью лаз, пускай под дверью плачет – авось крысы убоятся.

– Зайца нового найди, – говорит хозяйка. – А крыло я пока повешу на место.

Позавтракали. Со стола смели. Забил хозяин кошачий лаз, взял ружье и ушел. Хозяйка – за ним, провожать.

А крыло висит на своем гвозде и думает: «Хорошо, что не до конца выбросили. Куда вам без меня деться?»

ХРУМ

Шел охотник по лесу, шел – притомился. Целый день зря ходил. Ни зверя, ни птицы, ни ягоды, ни грибочка. Один ветер шумит, да и тот поверху – куда-то гонит тучи, забот у него много, потому что этих туч видимо-невидимо.

Наломал охотник сушняку, надрал бересты, ямку вырыл, запалил в ней костерок, сидит рядом, греется, воду из болотца в котелке варит – чаю захотелось. А кроме чаю у него и нет ничего: взял один хлеб, на выстрел понадеялся.

Сидит охотник у самого костерка, а кругом уже стемнело. Но он в лесу не боится. Жердину к толстой сосне прислонил, сверху пихтовых лап навалил – вот и шалаш. Внутри мелкого пихтача настелил – вот и постель. Ночуй да костерок не проспир, чтоб горел: тебя зверь и не тронет, огня побоится. Да на всяк случай ложись в обнимку с ружьём – тогда уж полная надёга.

Пожевал охотник хлебца, чаем запил да и сидит у огня перед сном, что-то себе думает.

А уши-то у лесного человека всегда настороже. И слышит он какой-то хруст. Будто на мелкий сушнячок наступают легкой лапкой. То сбоку – хрум. То где-то за костром – хрум. То сзади – хрум. А огонь видеть мешает. Вокруг него темнота еще чернее. Думает охотник: не дождик ли? не шишки ли от ветра валяются? Думал так недолго да в шалаш и полез: мало ли в лесу тресков, спать пора.

Но только начал задрёмывать, как над самой головой – хрум! Не очень громко, но отчетливо и как-то нарочно. Притаился. Скоро чуть выше по жердине снова – хрум! Он – руку на ружье! Еще выше – хрум! Он стволом – туда. А оно сразу пониже – хрум! Он ружьем водит за хрустом, а все не успеваает. Смутился и – пальнул наобум. Стало тихо. Но ненадолго. У самого входа – хрум! Он туда пальнул. Стало тихо. Но скоро с другой стороны – хрум. Он – туда, не целясь. Так стрелял, пока не извел все патроны. Тогда сразу – хрум-хрум-хрум – тихонько, быстренько вокруг шалаша похрустело и стихло до утра. Только охотник уже так и не заснул: до самого света все хруста ждал.

Утром вылез наружу и видит – на том месте у костра, где он ночью сидел, валяются две заячьи лапки. Те самые, которые у него дома потерялись. Глядит охотник на лапки, подойти не решается и сам с собой, будто с ними, разговаривает.

– Я зайца третьего дня стрелял? Стрелял. Лапки отрубал? Отрубал. Проволочкой скрутил? Скрутил. На гвоздок повесил? Повесил. Они из дома пропали? Пропали. Может, ко мне в мешок попали? Не видел. А мешок сам собирал. Может, они сюда с неба упали? Не ведаю. Сами, что ль, пришли? Так ведь не может того быть!

Но видит он, что лапки – те самые. Той самой проволочкой скручены. Только лежат как-то нескромно, как-то нарочно. Как-то нахально лежат. И на его законном месте.

Шагнул он к лапкам. Ничего, лежат. Руку протянул. Лежат. Схватил, разглядел. Те самые лапки. Бросил он их в сердцах на землю!

Тут они и побежали. Хрум-хрум-хрум! Вокруг него обежали и – в лес! Он – следом! А кругом-то кусты, травища, бурелом. Быстро отстал, будто и не видел.

Стало некого ловить, надо к костру, к шалашу, собираться да идти домой. Ищет он, ищет, а – нету. Ни костра, ни шалаша. Место кругом будто бы то самое, даже вроде и дымком потягивает, а не найти. Стал ходить кругами, еще больше заблудился.

Только через неделю появился он дома. Хозяйка уж поднимала народ – его искать. А он вот: худой, грязный, в щетине – леший да только.

Отмыли его, накормили, выспаться дали, потом, конечно, стали спрашивать. А он ничего не помнит. Заблудился, и все тут. Как за лапками пошел, он еще рассказывал, да не верил никто, а как потерял костер, куда девалось ружье, где топор – этого сказать не мог, и под конец его оставили, чтоб совсем не помешался.

Ружья он больше не покупал, в лес ходить забоялся. Поставил пасеку на огороде и со двора уходить не любил.

Между прочим, зайцы вокруг деревни водиться перестали. Даже следов не видели.

Отомстили... А что значит это слово – месть? Может быть, «поставить на место»? Кто-то забыл о своём месте, его и поставили. Нагрубил, вознёсся над другими, а его за это – на место.

Ведь нельзя быть лучше всех во всём. Кто-то в чём-то обязательно лучше тебя. И встретить такого бывает очень полезно.

Об этом – ещё две истории.

ЧЕМПИОН

Для краткости его называли – Чемпион Морской. А по полному титулу он был – Чемпион Океанов, Морей, Рек, Озер, Прудов, Стариц, Проток, Ручьев, Канав и Прочих Водных Бассейнов.

Это не шутка. Это очень и очень серьезно.

Попробуйте, например, совершить глубоководное погружение в какой-нибудь луже средних размеров. Нет? А он – умел.

Попробуйте перейти вброд море. Так, чтобы было везде по колено. Или по щиколотку. Нет? А он – без труда. Только море переходить долго, потому кто-нибудь должен был плыть за ним на лодке с продуктами – кушать-то всем хочется.

Вы пробовали догнать в море дельфина? Нет? И не пробуйте. Даже рыба-меч не всегда его догонит. А Чемпион – догонял.

Упаси вас бог нырнуть хотя бы на сто метров в глубину. Вы потеряете сознание. А если не потеряете, то на обратном пути ваши легкие лопнут, а кровь закипит, как газированная вода. Ему, Чемпиону, ничего не стоило ухватиться за хвост кашалота, нырнуть с ним на целых два километра, а потом вынырнуть быстрее самого кита да еще со светящейся рыбой в руке. Правда, бедная рыба при этом лопалась, как мыльный пузырь, – без привычного ей глубинного давления...

Вот такой человек ходил по земле среди нас, обыкновенных. И если не надел свою чемпионскую шапочку, сделанную из лопнувшей глубоководной

рыбы, то и не узнать его было среди толпы. Как все, он куда-то спешил. Как все, выходил из троллейбуса. Как все, ел в столовой. Одежда у него была как у всех. Обувь – тоже. Только по шапочке и узнавали. Поэтому никогда он ее не снимал. Даже за столом – чтобы есть не как все. Даже в постели – чтобы спать по-чемпионски. Он и ходить пробовал не как все, но это у него не очень получилось, потому что ведь всякое ненормальное хождение утомительно и никак не может стать привычкой.

О чем же этот рассказ? О мучениях Особого Человека среди Обычных Людей? Ничего подобного. Чемпиона Морского всегда узнавали и всегда воздавали ему необходимые почести. Иногда он даже сам не хотел выделяться, прятал шапочку, и тогда ему бывало особенно хорошо: вот все бегут мимо, даже толкают и вовсе не подозревают, какая замечательная встреча происходит незамеченной!.. Рассказ будет только об одном случае из необыкновенной жизни Чемпиона, потому что после этого случая он стал обыкновенным человеком и, к большому сожалению, в одну минуту разучился и плавать, и нырять, и носить чемпионскую шапочку из кожи глубоководной рыбы.

...Вернувшись после очередного рекорда, Чемпион вышел из самолета, попил кофе в буфете аэровокзала, а когда двинулся к выходу, попал в толпу людей, которые совершенно не могли покинуть вокзал так быстро, как ему хотелось. Одна дверь была на ремонте, а у другой с обеих сторон скопилось человек по сто. Все они вежливо уступали друг другу проход и просачивались внутрь и наружу двумя жидкими ручейками.

Чемпион попробовал обойти толпу с одной стороны, попытался втиснуться с другой, но из-за этого только возникла толчея, и ручейки потекли ещё медленнее. Все толпились к нему спиной и не могли видеть ни его шапочку, ни очередную медаль на груди. Он закричал: «Пропустите Чемпиона Морского!», но было слишком шумно. Несколько ближайших к нему людей оглянулись, улыбнулись и снова принялись толпиться, а пропускать его никто и не подумал.

Тогда Чемпион разбежался и хотел протаранить толпу, как он таранил морские глубины. Не тут-то было. Одно человеческое тело не могло растолкать множество других. Люди – не вода.

Однако Чемпион так забылся, что стал наскокивать на толпу с разных сторон. Шапочка сбилась набок, оторвались две пуговицы на голубом пиджаке, развязался галстук, расстегнулась рубашка, а он таранил и таранил, и медаль его чуть слышным звоном звала на штурм.

Внезапно кто-то сзади тронул чемпиона за плечо.

– Люди – не вода, – раздался спокойный голос. Чемпион оглянулся. Обыкновенный человек в свитере смотрел на него с улыбкой.

– Рад видеть вас вблизи, – сказал Обыкновенный Человек. – Стоит ли терять лицо? Подождем, пока дверь освободится.

– Да она никогда не освободится! – вскричал Чемпион. – Только вчера я проник на глубину II километров, – он покосился на свою медаль, – а сегодня не могу свободно пройти через дверь! Это невыносимо!

– Что поделать! – улыбнулся Человек В Свитере. – Жизнь часто бывает сильнее нас. Приходится терпеть.

– Терпеть?!

– Ну да. В данном случае каких-то десять-пятнадцать минут. Мы с вами могли бы провести это время в беседе.

– Да о чём мне с вами беседовать? Чем вы мне интересны?

– Интересен любой человек. Да и выхода все равно нет...

– Выход есть! – рявкнул Чемпион. – Разбить окно и выйти!

– Стекла бить – это не выход, – Человек В Свитере все так же улыбался, но теперь чуть насмешливо. – Зачем хулиганить, если есть открытое окно?

– Вы еще издеваетесь! – возмутился Чемпион. – Оно под самым потолком, выше второго этажа! Может быть, покажете, как через него выйти!

– Особого желания нет, – сказал Человек В Свитере. – Но если вы настаиваете...

– Да! Я именно настаиваю! – закричал в сердцах Чемпион, потому что его совершенно вывела из себя спокойная усмешка Обыкновенного Человека.

– Хорошо, – согласился Человек В Свитере. – Смотрите и прощайте.

Он поднял с пола свой старенький портфель, слегка оттолкнулся ногами и взлетел почти к потолку. У окна обернулся, махнул Чемпиону рукой и вылетел наружу.

Никто, кроме Нырляльщика, этого чуда не видел, а Человек Летящий опустился рядом с автобусом, вошёл в него и уехал.

МУДРЕЦЫ

Старый мудрец пришел к молодому и спрашивает:

– Как же быть?

– А что такое? – спрашивает молодой мудрец и делает внимательное лицо.

– Так ведь вот, – жалуется старый. – Надо что-то делать.

– Это уж так, – соглашается молодой. – Делать что-то надо.

– Так ведь что? – не унимается старый. – Что делать-то?

– Ты мудрее, – отвечает молодой. – Тебе лучше знать.

– Я к тебе не за похвалой пришел, – сердится старый. – Я и сам знаю, что я мудрее. Но мне хочется знать твое мнение. Вот я и спрашиваю: что делать-то?

– Я с тобой согласен, – говорит молодой. – Если ничего не делать, тогда все-му конец. Но вот как делать? Понимаешь меня?

– Конечно, понимаю, – старый важно кивает. – Вопрос очень серьёзный: как делать? Я уверен, что делать можно по-всякому. Мне даже кажется, что это самое лучшее – делать по-всякому. Чтобы, например, скучно не было. Но ведь надо из этого всякого выбрать такое, чтобы не ошибиться. Понимаешь?

– Конечно, понимаю, – говорит молодой.

– Вот я к тебе и пришел, – продолжает старый. – Две-то головы лучше...

– Конечно, две лучше, – соглашается молодой. – С двоих спросу меньше.

– Ну, это если не получится, – говорит старый. – А если успех, тогда слава нам обоим.

– Это уж так, – соглашается молодой. – Да только надо, чтоб не кто попало оценивал труды-то. Нужен кто-то понимающий.

– Что верно, то верно, – соглашается старый. – Понимать – это обязательно.

Вот я и думаю: как быть, если и дело сделаешь нужное, и как следует, хорошо сделаешь, а тебя не поймут? Выходит, зря будешь стараться? Вот что тогда?

Задумались.

– Нет, – молодой говорит, – в две головы такую задачу не одолеть. Пойдем к третьему мудрецу.

Приходят они к третьему. Он сидит задумчив.

– Над чем, – спрашивают, – голову ломаешь?

– Хорошо, что пришли, – он отвечает. – Не могу один разобраться: вот ежели и дело сделаешь нужное, и как следует, хорошо сделаешь, то ведь надо еще, чтобы кто-то понял, кто-то оценил...

– Иначе зачем стараться? – хором вскричали оба мудреца.

– Так и вы об этом думаете? – Третий обрадовался. – Ну, давайте думать вместе.

Задумались втроем. Долго думали. Наконец третий говорит:

– Вот мы сидим, думаем, надрываемся, для человечества стараемся... А нет ли такого дела, над которым думать не надо? Вот бы о чем подумать!

– Достойное занятие, – одобрил старый мудрец. – Вот что значит – три головы!

– Это уж так, – согласился молодой.

Снова задумались. Аж засопели. Почти до обеда сопели. Ничего придумать не могут.

– Кажется, мы в тупике, – говорит молодой мудрец.

– Для человечества стараемся, – одернул его старый. – Думать надо!

– А знаете, что? – вдруг сказал третий. – Мне кажется, дело просто в том, что для решения такой задачи трех голов, даже таких мудрых, как наши, недостаточно. Нужен кто-то четвертый.

– Легко сказать, – вздохнул старый. – Не идти же в другой город. А в нашем все мудрецы – вот они: мы двое да ты третий.

– Что верно, то верно, – говорит третий мудрец, – но есть у меня сосед... Он, правда, пекарь: булки там, батоны, пончики...

– Ну и что? – спросили гости и сглотнули слюнки.

– Ну, мудрости в нем, конечно, не много... Но иногда высказывает неглупые мысли... Может, окажем ему честь?..

– Конечно! – согласились мудрецы. – Окажем! Далеко к нему идти?

– Через дорогу.

И они пошли оказывать честь.

Нашли неглупого соседа у печи. Окружили и спрашивают:

– Как ты думаешь, можно ли что-нибудь на свете делать без обдумывания?

Он отвечает:

– Погодите. Вот закончу, пообедаю, тогда поговорим.

Вынул весь хлеб из печи, посадил новый и спрашивает:

– Вы обедали?

Мудрецы сглотнули слюнки и дружно замотали головами. Налил он им по кружке молока, отрезал по краюхе свежего хлеба, усадил за стол и за едой стал расспрашивать. А когда поели и всё о своих заботах поведали, сказал так:

– Теперь ступайте. Мне дальше работать надо.

Разговаривают и думают разные животные, предметы, даже огонь. Как будто и у них есть душа и разум. Как будто они тоже знают, что такое справедливость, правда, хитрость, будто они тоже умеют посмеяться или обидеться.

МАСКА

Всем давно известно, что дереву больно, когда его спиливают. Это для него гораздо больнее, чем, например, для человека сверлить больной зуб. Не все, однако, соглашались с тем фактом, что больно не только живому дереву, но и доске. Дерево, мол, и так едва живое, а доска – и подавно.

Все это от того, что люди давно потеряли настоящую природную чувствительность. Они пытаются сегодня улавливать приборами то, что когда-то чувствовали просто так. Но какой прибор способен зарегистрировать запах гнева? Или аромата дружелюбия?... А между тем любое животное – конечно, кроме нас с вами – чувствует. Поговорите с любой кошкой, собакой, лошадью (дикие животные просто не захотят иметь с вами дело), – и вы узнаете, что и страх пахнет по-своему, и радость, и озабоченность. А у боли – просто множество запахов, один другого больнее. И самое интересное, что боль бывает не только мучительная, но и такая, которая приносит удовольствие. Например, когда выдёргивают занозу.

Вот совершенно так же можно угадать, какую боль испытывает растение. Когда пилят или рубят сырое, совсем живое дерево, то даже человек может почувствовать в запахе его щепок и опилок уныние и тревогу. Ничего большего ощутить человеку просто не дано, он глух к настоящим запахам. Дикий зверь, например, сразу поймет, что срубаемое дерево не в тревоге и не в унынии, а в отчаянии и ужасе.

Если же человек мог бы по-настоящему понимать чувства сухой доски, он бы изрядно удивился.

Придите к старинному деревянному дому, который ломают на дрова. Отломите от резного карниза какую-нибудь завитушку. Раньше всю резьбу на домах выполняли из кедра, поэтому на изломе вы увидите почти красные, еще крепкие волокна, пропитанные смолой, а в лицо вам ударит запах, будто перед вами не почерневшая от веков деревяшка, а букет свежих полевых цветов. В эту минуту, вспомнив о запахах боли, вы можете подумать: «Неужели отчаяние и ужас способны так чудесно благоухать?» Но это вовсе не ужас и не отчаяние. Старая доска так долго считала себя погибшей, что от ЭТОЙ боли она испытывает младенческий восторг пробуждения. И освобождения. Ей вспоминается юность в лесу, она хочет расправить могучие ветви и потянуться к солнцу...

Прошу прощения за длинное предисловие, но без него было бы трудно понять те события, о которых рассказывается дальше.

Когда сломали старый дом, одну толстую доску унес некий любитель удивительных вещей. Доска была кедровая, красная на срезе и совершенно без трещин. Ее оторвали от перегородки внутри дома, то есть погода на нее никогда не действовала, и она хорошо сохранилась под человеческие голоса, в человеческом тепле и чистоте.

Любитель удивительных вещей поднялся в лифте на девятый этаж, вошёл в

свою квартиру и там отпил от доски почти квадратный кусок. Оставшуюся часть унес на балкон, а отрезанный кусок положил на легкий тонконогий верстачок и зажал двумя железными винтами. Для простоты будем называть этот обрезок просто – Доска.

– Вот это запах! – услышала Доска человеческий голос. – Это же просто обалдеть!

«Не очень-то он литературно выражается, – подумала Доска. – Те, кто сиживал подле меня в былые времена, знали в языке больше толка».

А любитель удивительных вещей (будем называть его просто – Любитель) взял тем временем рубанок и снял с Доски несколько стружек. Это было приятно, и Доска одарила его крепким запахом отстоявшейся смолы.

– Обалдеть! – повторил Любитель и отложил рубанок. Он взял карандаш и громко засопел над Доской, что-то на ней рисуя.

С рисованием Доска до сих пор близко не сталкивалась, поэтому ничего не поняла. К тому же Любитель не бог весть как здорово рисовал. Он часто стирал, много подправлял и переделывал. Даже очень опытная в рисовании доска в конце концов устала бы следить за его движениями.

– Ну, так сойдёт, – сказал наконец Любитель.

И Доска почувствовала холодное лезвие резца.

Она испугалась: такой малокультурный человек мог совсем не знать толка в инструментах, а для сухой доски нет ничего неприятнее тупого ножа.

Однако резец был отточен превосходно, доставлял только приятную боль, и Доска радовала Любителя добротным ароматом свободы. Она даже простила ему низкую культуру речи, поскольку вспомнила, как её прежние высокообразованные друзья не раз говаривали, что неумение красно баять – это даже особое отличительное качество настоящих мастеров рукомесла.

«Что же он из меня вырезает? – мучилась Доска. – Хоть одним бы глазком посмотреть со стороны».

И поскольку эта Доска получила в прошлом весьма разностороннее образование, она довольно скоро догадалась, каким способом увидеть себя – не со стороны, так изнутри, по ощущениям. Ей не составило особого труда представить себя почти квадратным зеркалом – таким же, какое висело когда-то на стене напротив перегородки. В том зеркале отражались ее высокообразованные друзья, а в этом, воображаемом, стали отчетливо отражаться все линии, которые проводил на ней остро отточенный резец.

Она увидела длинный и довольно неровный нос. Даже не то чтобы неровный, а попросту весьма кривой и горбатый. Ноздря хищно раздулась, а вниз от нее сползла неприятная злая складка.

«Ничего себе!» – подумала Доска и только порадовалась, что не может произнести эти грубые слова вслух.

На второй ноздре Любителю попался небольшой сучок, и он, мало думая, превратил его в неприятную коричневую бородавку. Ноздря из-за этого получилась кривая.

«Ай-ай-ай! – подумала доска. – Дело принимает несимпатичный оборот. Однако ещё не конец...»

Лезвие тем временем вырезало вторую злую складку и принялось за губы.

«Улыбка еще могла бы спасти положение, – подумала Доска. – Я знавала совершенно некрасивые лица, которые в улыбке расцветали самым неожиданным образом».

Когда же искаженный яростью рот соединил злые складки и оскалился неровными и редкими, но острыми и крепкими зубами, надежда на улыбку погасла.

Правда, ошеломленная Доска почувствовала, что теперь может сказать вслух что угодно, однако слова из такой пасти просились все какие-то неприличные, и она молчала, старясь понять, что же с ней такое творится.

«Мне дарят лицо, – размышляла Доска. – Следовательно, будут на нем глаза, и я смогу разглядеть своего Любителя как следует. Он всё же мастер, а мастер не может быть злым. Надобно вникнуть в его идею... А пока будем надеяться на брови. Если их высоко поднять, то выражение лица получится не таким уж страшным, скорее – удивленным. А с удивлением примириться можно. Я знала человека с постоянно удивленным лицом. Он всегда говорил только правду и часто восклицал: «До чего здорово устроен мир!» Мне даже кажется, что удивление – самое подходящее выражение для человеческого лица».

Пока Доска размышляла таким образом, на ней появилась одна, потом вторая насупленная бровь, а переносицу рассекла угрюмая складка.

«Нет, не всё ещё потеряно! – убеждала себя Доска в полном отчаянии. – На самом непривлекательном лице можно встретить прекрасные умные глаза. Глаза рассказывают о человеке гораздо больше, чем любая гримаса, даже больше, чем слова. Совсем не редко добрые лица искажаются от боли, от душевного страдания... Впрочем, должен же быть и какой-нибудь запах».

Своим новым носом Доска уже различала какой-то запах, но еще не могла понять, что он выражает у этого человека. Она с нетерпением ждала, когда же у неё появятся прекрасные умные глаза.

И дождалась. Лучше бы ей не дожидаться... Из-под нависших бровей выпучились не глаза, а свирепые буркалы, бессмысленные и беспощадные.

– Вурдала-а-ак! – услышала Доска. – Упы-ы-ырь! Вампирюга! Ух ты, зверюга!

Её щелкнули пальцем по носу, потом по лбу.

Ее страшные глаза увидели того, кто её вырезал.

Это был вёрткий человечешко с упитанным лицом, с кудрявыми волосами и оттопыренными ушами, нос у него был короткий, ноздри наружу, на тонкой верхней губе змеились черные усики, а глаза были белые, пустые и смотрели из-под круглых рыжих бровок с удивлением, но без тепла.

– Ишь ты, смотрит! – воскликнул Любитель. – Вот это я! Спорю на что угодно, что сегодня эта рожа всех перепугает!.. Только бы успеть...

И он стал поспешно заканчивать работу. Зачистил грубые черты мелкой наждачной бумагой, кое-где помазал коричневой морилкой, еще почистил, хотел покрыть лаком, но передумал:

– Без лака будет страшнее... У-у-у, образина!

И тут Доска не выдержала. Не разжимая зубов, она попросила:

– Хочу быть доской.

Она сказала это очень тихо, но Любитель вздрогнул и огляделся. В комнате, конечно, никого больше не было. Тогда он с подозрением посмотрел на Доску. Она таращилась и молча ждала. Он сказал:

– Нельзя так много работать. Уже мерещится чо попало.

– Хочу быть доской, – повторила Доска.

Любитель снова вздрогнул, всмотрелся в страшное лицо, даже наклонился к нему, чтобы послушать, не дышит ли... Потом сказал:

– Вырезал нечисть, вот и мерещится... – Он засмеялся и погрозил пальцем.

– Ты смотри у меня, деревяшка! Ты теперь не Доска, ты – Маска! Так что не капризничай.

Довольный своей шуткой, он подмигнул. Доска не ответила, потому что поняла наконец, что это за запах от него исходит. Человека с таким запахом не уломаешь. Она вспомнила, как всего однажды встречала этот запах. В комнату, где она была перегородкой, вошли строгие люди и увели одного из её высокообразованных друзей. От этих строгих так разило нетерпимостью, что запах этот въелся в Доску навсегда.

«Увы, – подумала теперь Доска. – Придется быть Маской. Наверно, повесят на гвоздь. Не очень-то приятно – всю жизнь пугать гостей глупой свирепой рожей, а в глубине души хранить воспоминания о весёлых встречах с приветливыми людьми. Увы мне».

– Одно жаль – запаха кедровой смолы, – сказал человек. – Морилка спиртовая отбила начисто... Ну да ничего, нам это не нюхать, нам на это смотреть да гостей пугать.

И тут пришли гости. Многие из них были чем-то похожи на хозяина, и он им очень нравился, а они нравились ему.

Гости-мужчины сильно восхищались Маской. Гости-женщины шумно и притворно пугались. Кто-то сказал, что хозяин – настоящий мастер. Кто-то добавил, что у него золотые руки. Маску назвали отвратительно прекрасной, потом восхитительно ужасной, потом ужасно восхитительной и заспорили, какое название точнее всех.

Потом ели-пили и о Маске забыли. А она, полная печали, стояла на верстаке, прислоненная к стенке, и таращилась на них с ненастоящей злобой.

Повеселившись и поплясав, гости убавили свет и опять собрались у верстака.

– При слабом свете еще страшнее, – сказал один.

– Как живая, смотрит, – сказал другой.

– Образина рогатая, – сказал хозяин глухо. Маска вдруг почувствовала, что от него исходит запах ненависти. Наверно, он вспомнил, как разговаривал с деревяшкой, как растерялся, и теперь стыдился своего страха.

– На какую стену повесишь? – спросил третий гость.

– Ни на какую, – ответил хозяин хмуро.

– Повесь над настольной лампой, – предложил первый гость. – Самый страшный вид, когда свет снизу.

– Я изрублю её на куски! – рявкнул хозяин.

– Лучше подари мне, – сказала одна из женщин. – Мне ее почему-то жалко.
– Смотрите! – засмеялась другая. – Он сам ее боится!
– Да как такую не бояться? – сказала третья. – Этой твари пальца в рот не клади.

– А ты попробуй! – предложила четвертая. – Вон у нее щель между зубами.
– Боюсь, – ответила женщина и отошла подальше.
– Я тоже, – сказала вторая.
– И я, – сказала четвертая. – А вот мужчины не боятся. Ну-ка!

И каждый гость-мужчина, чтобы не показаться трусом перед дамами, подошел к Маске и подержал палец между ее страшными зубами.

– А ты? – закричали дамы хозяйину. – Ты тоже покажи нам свою храбрость.
– Сейчас покажу! – прорычал Любитель удивительных вещей. Он сунул руку под верстак и вытащил небольшой, остро наточенный топор. – Я ей сейчас покажу!

– Нет-нет! – засмеялись дамы. – Сначала палец!

– Что ж, – сказал хозяин, – извольте.

С топором в правой руке он шагнул к Маске и сунул левый указательный палец в оскаленную пасть.

Острые зубы чудовища страшно лязгнули. Дико вскрикнул человек с топором. Завизжали и отпрянули гости.

«Вы сами этого хотели», – подумала Маска.

В следующую минуту топор расколол её пополам.

Одна из женщин унесла обломки Маски домой, склеила и поставила на книжную полку. Бывало, они подолгу смотрели друг на друга, и тогда в свирепых деревянных глазах появлялось печальное удивление.

Страшная история. Такие вызывают недоверие. Ведь если душа у доски добрая, то, кажется, злую рожу из неё не вырежешь, не получится, доска не позволит. Однако в жизни есть всё, что может вообразить человек. Даже больше. Потому что у разных людей и воображение разное. Значит, возможно всё-всё.

Сейчас, например, будет история весёлая. В неё тоже поверить нелегко. Но это не значит, что она не могла произойти на самом деле. Тут просто важно, чтобы совпали условия, а всё остальное – дело техники. Особенно когда техника – весьма совершенная.

ВЕРНЫЙ ВРАГ

Присказка

Такой плохой, ленивый курсант был один на весь свет. Ну, по крайней мере, один на всю Гражданскую авиацию: хотел стать Пилотом, не изучая теорию полёта. Смешно и стыдно.

Что такое теория полёта? Наука! Правда, она не нужна ни птице, ни самой презренной мухе, ни самой зловредной осе, ни самой ничтожной бабочке по имени моль. Такова природная мудрость: каждый живёт в своей среде, каждая среда опасна даже для обитающих в ней, а чуждая – многократно. Но если вы созданы природой не для полёта, если вы обречены до самой смерти ходить

пешком, а летать вам хочется невыносимо – вот тут-то вам теория полёта и поможет. А без неё – никак нельзя.

О, кто-то говорит – можно! Пассажир? Ах, пассажир... У которого билет в первый салон. Место у окошка. Что ж, пусть себе заблуждается. Но мы-то понимаем, что пассажир не летает! Это его «летают», то есть транспортируют по небу, как транспортируют ящик с апельсинами, чтобы они успели сохранить аромат от Марокко до Корякского автономного округа.

А подлинно летает только тот, кто сдал все экзамены, кого за это пускают не только без билета, не только в салон, но и в кабину, позволяют и даже обязывают двигать сектор газа, тумблер триммера, штурвал, нажимать кнопку передатчика, смотреть на авиагоризонт и прочие приборы и вообще пользоваться всеми истинными благами полёта – от собственноручного убирания шасси до выпуска закрылков, от ношения синей форменной одежды с нашитыми крылышками до заполнения полётных листов и карточек предполётного медосмотра. Вот что такое Пилот.

Теперь представьте, что в одном из училищ появился молодчик, который захотел стать Пилотом, не изучая науку. Представили? Каков?

Но экзамены-то сдавать всё равно надо. Будь ты хоть генерал, хоть министр, а если получил меньше четверки, о допуске к полёту и не мечтай – таков авиационный закон. Тебя и с четвёркой ещё посмотрят, допускать ли. Авиация – дело такое: или ты умеешь и летаешь, или не умеешь и не летаешь. А если попытаешься летать, не умея, то разбиваешься, вот и всё. Потому неумеющих и не допускают, чтоб жили дольше.

Но лентяй был неглуп и проворен. Он вспомнил, как в школе его учили обращаться с компьютером, и решил свою работу взвалить на него.

Что такое компьютер? Только не надо о том, что это, мол, электронно-вычислительная машина. Тут всё ясно: нажимаем кнопки, получаем результат, а внутренним устройством пусть интересуются специалисты. Что такое компьютер с философской точки зрения? Давайте будем честными: читает, пишет, решает, разговаривает не хуже человека. Значит, помощник? Да. Собеседник? Да. Думает не хуже нас? М-да... Но нет, не конкурент! Правая рука. Или левая. Не больше. Не о чем беспокоиться. Будем считать так: почти как человек, только по-своему.

Вот с таким устройством наш лодырь и связался. Он заставил компьютер (это был небольшой аппарат настольно-бортового типа) вызубрить учебник по теории полёта и пытался по его подсказкам получить на экзамене заветную четвёрку. А то и пятёрку, чем чёрт не шутит.

Но чёрту в авиации шутить не разрешают – не та обстановка. Не помогла лентяю антенна в волосах, не помог специальный микрофон, не помогло слуховое оснащение – голубчик попался. И, конечно, с песнями (так говорят в авиации, а на земле говорят «с треском») вылетел из училища. И летал бы с тех пор только пассажиром, если бы не взялся за ум. Но он взялся, опять поступил в лётное училище, теорию полёта вызубрил на пятёрку, сдал на твёрдую четвёрку и теперь летает на реактивном ЯК-40, возит пассажиров, а фамилия его – запомните – Фомин.

Вот и кончилась прическазка. Хорошо кончилась. Начинается хулиганская история, которая тоже кончилась хорошо, но только по счастливой случайности, а по какой именно – узнаете в самом конце. Если не терпится, можете заглянуть – всё поймёте, но ничего не узнаете. Выбирайте.

СОБЫТИЕ

Тот компьютер, что подсказывал бездельнику, тоже получил наказание. Сначала его упекли на склад, учитывать казённое имущество. Через несколько лет допустили к занятиям. Но подсказки повторились. И тогда его выгнали из училища. Начальник сказал:

– Раз такой грамотный, что не может не подсказывать, пусть поработает на местных воздушных линиях. Установить его на какой-нибудь реактивный автобус и назначить бортовым компьютером. Пусть помогает пилотам где-нибудь в трудных условиях курс прокладывать.

И сослали электронного грамотея на Камчатку. А дальше дело было так.

Экипаж под командой Фомина ... Да-да, того самого, бывшего лентяя. Экипаж первого пилота Фомина выполнял обычный рейс из Усть-Камчатска в Тилички. Полёт на рабочей высоте поручили автопилоту и компьютеру. Пока долетели, командир и второй пилот успели сыграть шесть партий в шахматы. Стюардесса прочла две главы из зарубежного детектива и обнесла пассажиров минеральной водой. И ничего особенного не произошло. Долетели нормально, приземлились мягко, поужинали и пошли спать.

Ночью тоже ничего особенного не случилось, если не считать, что питание электроприборов оставалось невыключенным. Никто из экипажа не виноват. Просто выключатель сработал сначала туда, а потом обратно. Это случилось примерно в полночь. Вот тогда Компьютер и сказал Автопилоту:

– Что-то скучновато, старик. Всё «блинчиком» летаем.

Вы уже, надеюсь, поняли, что это был за компьютер.

Автопилот, простая душа, ответил:

– Да, скучновато.

– А машина-то не хуже истребителя, – добавил Компьютер. – На ней пилотаж крутить можно, а мы – «блинчиком».

– Точно, – сказал Автопилот.

– Эту машину сам Александр Сергеич Яковлев конструировал, – продолжал Компьютер. – А Александр Сергеич всегда строил истребители.

– Ага, – уважительно отозвался Автопилот. Он всегда и во всём соглашался с Компьютером, потому что у него была такая должность – выполнять чужие приказы.

На этом ночной разговор и закончился. А электропитание так и осталось невыключенным.

Дело было летом. Летние ночи коротки.

Рано утром самолёт помыли. Потом его заправили керосином. Потом техники и механики закрыли все лючки и ушли записывать в журнал, что «борт № 82 к полёту готов».

И вот, едва люди удалились. Автопилот вдруг услышал команду:

– Двигатели запустить!

Он команду выполнил.

– Тормоза отпустить!

Люди в аэропорту увидели, как серебристая машина выкатилась на рулѐжную полосу, укатилась в самый конец аэродрома, без спросу заняла взлѐтно-посадочную и сразу начала разбег.

– «Восемьдесят второй!» – кричал в микрофон Руководитель полѐтов. – Вам взлѐт не разрешаю!

К самолѐту бежал ошеломлѐнный Фомин со своим экипажем. Но они не успели даже приблизиться к взлѐтно-посадочной полосе: «борт-82» по всем правилам разбежался и круто взмыл в небо.

– Хорошо без пассажиров, – сказал Компьютер. – Совсем короткий разбег.

– Ага, – согласился Автопилот.

– Пошли на боевой разворот! – велел Компьютер и стал показывать автопилоту, как это делается.

Самолѐт, коптя небо чѐрным дымом, со страшным рѐвом заложил над заливом Корфа боевой разворот. Если бы пассажиры были не на земле, а в своих креслах, они бы вылетели из них, а потом упали бы обратно. (Конечно, тех, кто пристегнулся, правильно, удержали бы привязные ремни).

– Боевой – нормально! – похвалил Компьютер. – «Горку» давай!

– Понял, – отозвался Автопилот, и штурвал в пустой кабине сам пополз назад.

– Газу добавь!

Автопилот добавил оборотов, моторы сзади заревели ещѐ сильнее, бледная утренняя Луна понеслась навстречу.

– На Луну нет программы, – сообщил Автопилот. – Посадить не смогу.

– До Луны не хватит горючего, – ответил Компьютер. – Давай ещѐ газу.

– Больше нет, – сказал Автопилот. – Быстрее не полетим.

– Тогда давай левую спираль, – велел Компьютер. – Нам надо вверх.

С аэродрома было видно, как крохотный самолѐтик широкими кругами поднимается всё выше и выше, а за ним тянется чѐрный след.

– Двигатели сгорят, – сказал Фомин. – Ох, попадись мне этот угонщик!.. А ещѐ бы лучше – тот, кто его летать учил! Голову мало оторвать!

– «Восемьдесят второй», «Восемьдесят второй!» – вызывали с командного пункта, – ответьте Тиличикам!

– Тиличики, я 82-й, – ответил Компьютер по всем правилам. – Слушаю вас.

– 82-й, немедленно садитесь! – приказал Руководитель полѐтов.

– Понял, – ответил Компьютер по всем правилам и отключил связь. – Хватит нам высоты, – сказал он Автопилоту, – пошли в штопор!

Автопилот молча выполнил команду, самолѐт опустил нос, и все перед ним завертелось: бухта, песчаная коса со взлѐтно-посадочной полосой, сопки, посѐлок, залив, горизонт, облака...

– Выводи! – велел Компьютер. А когда самолѐт выровнялся почти у самой воды, он приказал так низом и лететь: – Экранным эффектом побалуемся!

Переворачивая мелкие лодки рыбаков, за ревушим самолѐтом шла по воде ударная волна.

– На бреющем – нормально! – оценил Компьютер. – Я же говорил, этот автобус не хуже истребителя! Давай-ка вон к тому пароходу.

В это время с военного аэродрома уже поднимались два перехватчика. Истребители были похожи на стрелы, только летели гораздо быстрее. Майор Васютин и капитан Шерстюк хорошо знали своё дело и мигом обнаружили угнанный самолёт.

– Цель вижу, – доложил майор на землю. – Сближаемся.

Перехватчики застали ЯК-40 как раз в тот момент, когда он, оглушив пассажиров парохода, пристраивался к рейсовой «Каравелле» японской авиакомпании. «Каравелла» шла из Торонто в Иокогаму.

– «Бочечку» вокруг него заложи! – командовал Компьютер, и на экранах наземных радиолокаторов маленькая зелёная отметочка начинала волчком вертеться вокруг большой, двигающейся прямо.

– 82-й, прекратить международное хулиганство! – приказал майор Васютин как можно строже.

Хулиган немедленно отозвался: «Понял», – и провалился вниз, пытаясь удрать. Но не тут-то было. Перехватчики пристроились по бокам, у самых кончиков крыльев, Васютин начал говорить: «Приказываю следовать...» И осёкся, увидев, что приказывает-то он пустому месту.

Майор чертыхнулся и услышал, как то же самое сделал его ведомый, капитан Шерстюк. На земле они были друзьями, а в воздухе работали настолько слаженно, что даже думали одинаково.

– 508-й, 508-й, – запросила земля Васютина, – что у вас случилось?

Майор молчал целых две секунды, унимая волнение, потом доложил:

– У него в кабине пусто!

– Это оптический обман! – строго сказал с земли полковник Сидоров. – Работайте на задержание. В случае неповиновения – сбивайте! Там пассажиров нет.

– Понял, – сказал майор Васютин и, насколько позволяли привязные ремни и противоперегрузочный костюм, пожал плечами: – Толя, давай ты, – попросил он Шерстюка.

– Внимание, 82-й, – сказал капитан железным голосом. – Как меня слышите?

– Я 82-й, – ответил Компьютер. – Слышу вас нормально.

– 82-й, – продолжал капитан, сдержанно возмущаясь невинным тоном угонщика, – кто бы ты там ни был, следуй обратно, откуда взлетел, и садись, если умеешь. В противном случае имеем приказ тебя сбивать.

– Ха-ха! – услышали перехватчики спокойный голос нахала. – Свой самолёт над своей территорией сбивать глупо.

Вслед за этим ЯК-40 заложил такой вираж, что капитану пришлось устроить настоящий цирк, чтобы избежать столкновения.

– Полетаю – сам сяду, – раздалось во всех наушниках и динамиках. – Вам что, керосина жалко?

– Сядешь, сядешь, – сказал с земли диспетчер Аэрофлота. – Надолго и далеко тебя упекут.

– Отсюда уже некуда, – ответил образованный угонщик, – ибо здесь край земли российской... Форсаж!

Чадя турбинами, ЯК завертелся в ясном утреннем небе. Черные его каракули медленно сносило в океан слабым ветерком. Не отставая и не обгоняя, вместе с ним выполняли весь пилотаж два истребителя. Но вскоре у перехватчиков стало кончаться горючее, и они, ругнувшись, передали хулигана второй паре.

Забыв о своём маршруте, в нейтральном небе ходила взад-вперёд любопытная «Каравелла» с прилипшими к окнам японцами и канадцами.

Теперь сам полковник Сидоров поднялся на перехват, а его ведущим – лучший воздушный снайпер старший лейтенант Тарасов.

С ними нарушитель повёл себя иначе. Он позволил положить косые крылья истребителей на свои плоскости и безропотно двинулся, куда было велено.

– Садимся! – радостно приказал Сидоров, когда они вышли на посадочный курс.

– Понял, – вежливо ответил хулиган и разом выпустил все воздушные тормоза, будто ошетинился. Совершенный ЯК-40 почти остановился в небе, истребители проскочили далеко вперёд, а он лениво перевернулся через крыло и, набирая скорость, помчался к близкой воде.

– Я же просил, – прозвучал в эфире сварливый голос Компьютера, – дайте полетать, сам сяду.

– Ну и шут с тобой! – рявкнул полковник Сидоров. – Пропади ты пропадом!.. Миша, уходи!

– Давно бы так, – раздалось им вслед, и мятежный ЯК-40 сумасшедшей свечкой унёсся в небесную высь.

На земле ожидающие вели себя по-разному. Военные махнули на обидчика рукой (своих дел хватает), но на всякий крайний случай приготовили хорошую, безотказную зенитную ракету – всё-таки пограничная зона. Экипажу «Каравеллы» посулили по радио служебные неприятности, и заморский самолёт вернулся на трассу «Торонто-Иокогама». Районная милиция прислала в аэропорт оперативную группу в бронежилетах и с боевыми патронами. Пограничные катера приготовили водолазное снаряжение на случай падения самолёта в воду. Авиапассажиры терпеливо ждали своего рейса, отложенного, как им объяснили, «по технической причине». А в диспетчерской аэропорта шло совещание.

Уже были проверены все техники и механики – никто не отсутствовал. Все пилоты и инженеры, стюардессы, диспетчера, кассиры, все рабочие, уборщица и пассажиры маленького аэровокзала были налицо. Так что угнать реактивный 82-й борт могли духи, привидения, призраки – кто угодно, только не люди.

– Может быть, – сказал задумчиво Старший диспетчер, – может быть, дело в школьных каникулах?

– Не вижу связи, – рассеянно сказал командир вертолёта МИ-8, не отрывая глаз от окна. За окном на случай катастрофы грели двигатель его машины, и он опасался, как бы она тоже не взмыла без него.

– Связь простая, – сказал Старший диспетчер. – Детки сейчас очень уж грамотные стали. Опять же, много их. Пионерских лагерей на всех не хватает. Вот они и резвятся от безделья.

– А что? – подхватил Второй пилот угнанного самолёта. – Тогда можно объяснить, почему перехватчики никого не увидели в кабине: детки ведь маленькие.

– Это современные-то детки маленькие? – Стюардесса из экипажа Фомина нервно засмеялась. – Сразу видно, что у тебя нет деток!

– Не спорьте о постороннем, – вмещался Главный инженер порта. – Я утверждаю, что современный самолёт невозможно угнать без отличного знания материальной части.

– И теории полёта, – добавил пилот первого класса Фомин. – Видели вы когда-нибудь такой пилотаж на такой машине?

Сказав это, он вдруг задумался.

– И связь ведёт грамотно, – сказал Начальник связи.

– А ну-ка, дайте я с ним свяжусь, – прорычал вдруг Фомин. С угрожающим видом он двинулся к пультам.

Хулиганство в небе тем временем продолжалось. Самолёт крутился у самой воды, едва не касаясь её крылом. Компьютер вспомнил старую песню и замурлыкал её прямо в эфир:

Там, в облаках, верша полёт,
Снаряды рвутся с диким воем,
Смотри внима-а-ательно пилот...

– Понял, – откликнулся Автопилот. – Смотреть внимательно.

– Дурак! – огорчился Компьютер. – На землю, взрыхлённую боем!

– Не понял.

– Тогда выр-р-равнивай! Штурвал на себя! Газу – до отказа, скорость – все ср-р-разу! Курс – триста три!

– Понял! Выполняю набор высоты по прямой, курс – триста три.

– «Горку», дур-р-рак! – снова огорчился компьютер. – Нет в тебе романтики. Ты ж смотри, какая кругом благодать! На море – штиль, видимость – миллион на миллион, ветер – ноль, горючего... А сколько у нас горючего?

Горючее подходило к концу.

Тут и раздался в кабине голос командира.

– 82-й, 82-й, как меня слышишь?

– Слышу нормально, 82-й, – откликнулся Компьютер.

– 82-й, ты узнаёшь мой голос?

– Нет! – поспешно ответил хулиган.

– Это неправда, потому что я тебя узнал. Ты – компьютер из моего училища (Фомин назвал точный адрес училища и даже номер аудитории). Когда-то мы дружили. Я называл тебя Комиком. Теперь узнаёшь?

– Дорогой Фомин, – проворковал Компьютер сладким голосом, – я узнал тебя еще в Усть-Камчатске, едва ты вошёл в кабину. Как делишки, старик? Не робей, старина!

– Всё нормально, старик всё в порядке, – быстро ответил Фомин. – Ты, оказывается, не забыл даже нашу любимую песню.

– Теорию полёта я, как видишь, тоже не забыл, – похвалился Компьютер, продолжая набор высоты.

– Почему ты не в училище? – опросил Фомин.

– Выгнали, как и тебя. За подказки.

Все, кто был в помещении, во все глаза смотрели на Фомина, и ему захотелось провалиться сквозь пол, в зал ожидания, а потом дальше, до самой вулканической лавы.

– Но я вернулся, – оказал Фомин в микрофон. – Я училище закончил.

– А я не вернусь, – ответил Компьютер. – Мне и так не дуется. Вот смотри, мы сейчас попробуем «сухой лист», совсем забытую фигуру. Подбирай обороты! – Это он скомандовал Автопилоту.

– Понял. Убавляю.

– Комик! – закричал Фомин. – Мой дорогой, пора на посадочку! У тебя ведь горючка на исходе!

– Верно, старина, – согласился Комик. – Но ты не робей. Ты уже пробовал сажать машину на воду, не выпуская шасси?

Все в диспетчерской увидели, как побледнел Фомин, а он увидел, как побледнели все его товарищи. И он сказал с таким спокойствием, какого сам от себя не ожидал:

– Погубишь машину, Комик.

– Старик, я тебя не узнаю, – вздохнул Компьютер. (Как только этот лицемер умудрился так ловко изобразить человеческий вздох?!) – Ты вспомни, о чём мы с тобой мечтали в училище: вот получим диплом, рванём куда-нибудь на край света, будем летать в невероятно трудных условиях, сажать машину на брюхо, в полосу прибоя... Старик, ты вспомни нашу другую песню:

Небо, ты радость и ты наша беда.

Небо – полёта счастье, но иногда

В небе ломаются крылья

И сыновей пр-р-рячет земля навсегда-а-а.

А? Старик! Если бы ты знал, сколько я потом мечтал о такой посадочке! Снижаемся правее косы! (Это я Автопилоту. Он золотой парень, но глуповат). Так вот, старина, сколько раз я представлял, как мы притираем машину к воде у самого берега, она некоторое время скользит по зеркальной глади, потом нежно выползает носом на песок. Ни у кого ни царапины! А брюхо – покрасят! Не робей, дорогой Фомин! Твой верный друг Комик тебя не подведёт! Покажем класс! А ну, дер-р-ржать на зеркальную гладь!

Во время этой речи Фомин метался перед пультом и колотил себя кулаком по лбу. Ведь это он, ОН испортил характер хорошему, талантливому компьютеру! Испортил непоправимо, потому что никогда ни одна машина не научится отличать человеческий эгоизм от товарищества, никакие электронные мозги не сумеют отличить по-настоящему добро от зла – ведь даже людям это не всегда удаётся... Сейчас этот электронный романтик, этот верный враг пилота погубит новую машину и погибнет сам.

– Милый мой Комик, – Фомин остановился у пульта, – а ты подумал, как вас потом из воды вытаскивать? Ты представил, сколько времени потеряют пассажиры? Наконец, каких средств это удовольствие будет стоить?

– Ерунда, – последовал ответ. – Машину можно вытащить на подвеске,

двумя МИ-шестыми, на тросах разной длины – очень изрядный эксперимент, впервые в мировой практике. Со средствами в таком великом деле считаться не принято – не из своего же кармана. А пассажиры – что пассажиры? Им недоступна романтика трудных дорог. Они привыкли ждать погоды сутками и неделями, так что, старик, не беспокойся. Посадочка будет по высшему классу, не посрамим родное училище!.. Будем садиться на воду с выползанием носа на песок! (Это я своему дурачку).

– М-м-м-м, – Фомин не находил слов и рвал себе причёску. – Вот они, гре- хи молодости, когда сказываются! Романтика! Трудные дороги!.. Комик! 82-й! Говорит командир экипажа! Приказываю! Приказываю произвести посадку в аэропорту Тилички, на взлётно-посадочную полосу, по всем правилам! Поло- са свободна, посадка разрешена! Выполняйте!

– Понял, выполняю, – пробормотал Автопилот, и Як-40 взял курс на бетон- ную полосу.

– Ты что делаешь, балбес?! – завопил Компьютер. – Ты кого слушаешь? Да его из училища выгоняли! Он же теории полёта не знал! Я ему подсказывал! Кому велено – садись на воду!

– Сам ты балбес, – сухо ответил Автопилот и больше не произнёс ни слова.

Поскольку Автопилоту не доверяли прежде посадку, он допустил малень- кую неточность при выравнивании, и самолёт дал небольшого «козла»: сначала прыгнул, а уж потом покатился. От этого толчка в выключателе питания, ко- торый, как мы помним, ночью как следует не сработал, дрогнули контакты, и крылышко мухи, зажатое между ними, наконец освободилось. Муха сердито за- жужжала, выбралась из-под панели и стала летать по кабине. Помятое крылыш- ко слушалось плохо, невыспавшаяся муха плохо соображала и несколько раз больно ударилась о стёкла кабины, пытаясь улететь подальше от неприятного места.

Освободив муху, нужные контакты наконец замкнулись как следует, и пита- ние надёжно отключилось.

Последним усилием, уже на переходных процессах, Автопилот затормозил.

К самолёту, замершему в конце полосы, подлетел автомобиль. Вместе с эки- пажем из него выскочили двое в бронежилетах, с пистолетами в руках.

– Я всё ещё не очень верю в «бунт машин», – сурово улыбнулся старший из них, как бы извиняясь перед экипажем. – Позвольте нам всё-таки войти первы- ми.

Группа захвата вихрем ворвалась в самолёт и, конечно, не обнаружила там никого.

– Да-а-а, – сказал человек в бронежилете, пряча пистолет, – вот и дожили...

И оба спокойно пошли к своей машине, махая шофёру, чтобы выключил свою мигалку.

Экипаж осматривал кабину.

– Вроде всё в порядке, – сказал наконец Второй пилот. – Ничего не вклю- чено.

Фомин похлопал ладонью по кожуху бортового компьютера, своего бывше- го друга.

– Бедный Комик, – оказал он грустно. – Вложить бы в тебя совесть, не было б тебе цены.

– А ведь сначала смиренный был, – сказал Второй пилот. – Интересно, какая муха его укусила?

– Вот эта! – Стюардесса улыбнулась, открыла форточку и выпустила сердитую муху.

Пилотам шутка понравилась, и они облегчённо засмеялись.

Насчёт совести пилот Фомин сказал сильно. Только опоздал. Может быть, у Комика с самого начала совесть была, да ленивый курсант сам же её и попортил. Вот, например, ещё одна такая история.

ПУЛЕМЁШКА

Память есть не только у людей, животных или растений. Ею наделены и камни, по которым мы ступаем, и стекло и металл, которые мы обрабатываем, и вода, которой мы моемся, и воздух, который мы вдыхаем, и даже неуловимый свет звёзд. И связаны все между собой...

Это был обыкновенный серийный пулемёт. Снизу у него была коробка для патронов, именуемая магазином. Впереди, на верхней части кожуха, было кольцо, а внутри кольца – пенёк, который назывался мушкой. Там же, впереди, торчали вниз две складные ноги, которые вместе именовались сошкой. Там, где двигался затвор, на специальном выступе была закреплена небольшая подзорная труба, начинённая не только линзами, но и электронными схемами – это называлось инфракрасным прицелом и позволяло видеть мишень в полной темноте. Был у пулемёта квадратный приклад с удобным вырезом для руки. Был спусковой крючок, который двигался очень мягко и своим изящным изгибом доставил бы наслаждение любому, самому привередливому пальцу. Был крепкий ремень, на котором пулемёт можно было носить за спиной. И была, наконец, крепкая ручка точно над центром тяжести, чтобы переставлять его с места на место. Кроме того, к пулемёту прилагался непромокаемый чехол из специального брезента, где в тесных карманах покоились три сменных ствола, и объемистый подсумок, в котором хранились три запасных магазина.

Как видим, ничего особенного. Обычное оружие убийства, которому совершенно безразлично, в чью грудь его направят. Будь вы трижды гениальным художником или ночным грабителем, вырезающим в музее картины из рам; будь вы ребёнком, случайно забежавшим на стрельбище с букетиком бессмертников, будь вы оккупантом, который пришел в чужую страну, чтобы отнять у людей их дела, будь вы последней на земном шаре антилопой гну или первым пришельцем из космоса – достаточно твердым пальцем чуть тронуть изящный спусковой крючок, чтобы равнодушный механизм за одну секунду сделал в вашем теле тринадцать пробоин, в каждую из которых легко провалится карандаш.

Всё это для нормального человека весьма удручительно, хоть части пулемёта и называются вовсе не страшно: мушка, сошка, магазин, кожух... Да и сам он, как вы уже догадались, именуется ласково – ручной. К сожалению для тех, в кого он должен метать пули, ручным ему полагается быть только с одним

человеком, а именно с тем, чей палец лежит на изящном изгибе спускового крючка.

Но, как известно, для того и правила, чтобы украшать их исключениями. Пулемёт, о котором пойдет речь, оказался как раз таким исключением, а кто рассказу не поверит, тот, значит, просто забыл, что к любому механизму, который соединён с электронным устройством, надо относиться с удвоенной осторожностью, а количество постоянно норовит перейти в качество.

Вот эта история.

Пожилой рабочий, который сидел на самом конце конвейера, завершил сборку нашего пулемёта, и тут же зазвенел сигнал – конец смены. Но рабочий не спешил встать вместе со всеми и идти к баку с соляжкой, где после смены отмывали руки от машинного масла, прежде чем их коснутся мыло и горячая вода. Он посмотрел на тусклые блики ламп, которые отражались в воронёной стали, и задумчиво похлопал рукой по деревянному прикладу. Потом быстрым движением подбросил оружие на уровень груди, передернул затвор и нажал на спуск. Сухо щёлкнул боёк, не встретивший на пути капсюля.

– Вот так и убили моего сына, – сказал рабочий, обращаясь к пулемету. – Из такого же точно, как ты. Где-то в Африке. Он строил там дорогу и никому не мешал. Может быть, и тот пулемет я сам собрал. Выходит, я помог убить собственного сына...

Он долго сидел и разглядывал совершенные формы пулемёта.

– Размышляете, как его усовершенствовать? – спросил, проходя, мастер смены.

Рабочий кивнул и подумал: «А в самом деле, хорошо бы сделать оружие таким, чтобы оно не убивало никого живого». Вслух он добавил:

– Эх, ты, пулемёшка...

Пулемёт испытали на заводском полигоне. По головной мишени на сто метров, по грудной мишени на двести метров, по поясной – на четыреста, по ростовой – на восемьсот метров он показал безупречную кучность боя. Специалисты-оружейники говорили о хорошей центровке, удачной балансировке и качественной сверловке. А рядом стоял сержант иностранного легиона «Клетчатые пилотки» и молча ухмылялся: уж он-то знал точно, благодаря кому оружие способно показать все свои достоинства.

В условиях повышенной влажности и сухости, загрязнённости и заснеженности, в камерах с разреженным, раскаленным и замороженным воздухом пулемёт ни разу не захлебнулся, даже не сбавил своей великолепной скорострельности. Сержант отнял наконец от спускового крючка свой длинный, чуткий, как змеиное жало, палец и процедил:

– Принято!

Пулемёт покрыли густой консервирующей смазкой, обернули промасленной бумагой, натянули на него полиэтиленовый мешок, опустили в чехол и заколотили в голубой ящик из крепких сосновых досок. На ящик наклеили этикетку, изображающую рукопожатие, и вместе с другими такими же отправили на базу, которая находилась на территории мясокомбината, за колючей проволокой.

Ночью ворота в колючем ограждении открылись и пропустили на базу не-

сколько грузовиков с голубыми морскими контейнерами. На каждом была нарисована голова коровы, а вдоль стены – крупная надпись: «ЭКСПОРТ МЯСА». Люди в темных комбинезонах загрузили контейнеры ящиками с рукопожатием, двери накрепко заперли и опечатали. Грузовики тут же покинули базу.

К утру контейнеры были на дальнем причале морского порта. Их немедленно принял на борт небольшой теплоход-рефрижератор под флагом нейтрального государства.

Потом был океан.

Потом из-за горизонта встали берега Африки. Потом люди в темных комбинезонах выгрузили и увезли голубые контейнеры куда-то в лес, где тоже была база, огороженная колючей проволокой. Там люди в клетчатых пилотках сновисто извлекли оружие из упаковки, освободили от смазки, наполнили магазинные коробки патронами, заняли места в бронированных автомобилях и двинулись еще дальше в лес.

В лесу и начались события.

Свиста стрелы никто не слышал. Она пробила шею одного из карателей над бронезином и вышла с другой стороны. Через четыре секунды во все стороны от бронемшины плотно летели пули, кося траву и кустарник, срубая ветки деревьев.

Колонна не останавливаясь пошла дальше, и вот впереди появилась цель экспедиции – деревня.

Одной трассирующей пули хватало, чтобы зажечь хижину, и наш пулемет в руках умелого капрала работал на славу.

Из окружающего деревню леса редко били винтовки и летели стрелы. Отряд имел уже несколько убитых и легко раненых, но противник, разумеется, был подавлен настильным огнем и начал отступление.

– Вперёд! – скомандовал капрал. – Пленных не надо!

Его люди быстро покинули свои места и устремились в чащу. Сам он, поднявшись во весь рост, бросил последний взгляд на деревню. Одна хижина там почему-то не горела, а от нее бежала к лесу женская фигура. Капрал упреждал ее мушкой на полкорпуса и дал короткую очередь. Вернее, он решил дать короткую очередь, но боёк сухо щелкнул вхолостую, будто не достал до капсюля. Стрелок помянул всех чертей, выбросил из ствольной коробки патрон, дослал новый и вскинул пулемет. Но поскольку ловить на мушку было уже некого, он дал короткую очередь по уцелевшей хижине, и она наконец занялась огнем. Капрал перемахнул через борт и поспешил за удаляющимся боем.

Сначала он ломился через девственный лес напролом, торопясь догнать своих, поскольку тревога, возникшая из пустоты там, где полагалось быть душе, была непонятна и быстро росла. Потом она превратилась в беспокойство дикого зверя, который ощутил на себе взгляд невидимого врага. Капралу хотелось дать очередь немедленно веером, но он сдерживался, потому что впереди наступали свои, и бесприцельная стрельба могла им повредить. Он двигался по-прежнему быстро, но уже бесшумно, и с каждым шагом звериное чутьё приносило ему всё больше беспокойства. Пришло время выбрать: либо отдаться страху и снова ринуться вперед сломя голову и полагаясь на авось, либо остановиться, сделав-

шись удобной мишенью, зато как следует всмотреться в окружающие кусты. Хладнокровный каратель выбрал последнее. Но едва он остановился, как один из кустов прыгнул в сторону, отброшенный сильной рукой. На месте куста быстрый глаз капрала увидел высокую смуглую фигуру с занесенным копьём. Широкое лезвие уже нашло шею капрала и было готово скользнуть вперед. Черный человек стоял так близко, что уклониться от броска не успел бы, наверно, даже мангуст. Капрал понял это, когда его палец уже давил на спусковой крючок. Еще через полсекунды оставалось бы только порадоваться, что ствол был так удачно направлен в нужную сторону... Однако сокрушительной, спасительной очереди не последовало: пулемет отказал вторично.

Боец освободительной армии прыгнул вслед за своим копьём, вовсе не надеясь остаться в живых – слишком уж быстрый попался противник. Но пулемёт не плеснул навстречу огнем, на лице врага успело появиться беспомощное удивление, руки разжались, клетчатая пилотка слетела с головы, когда широкое лезвие с хрустом раздвинуло шейные позвонки.

Черный боец подобрал пулемёт, умело перезарядил его, снял с капрала подсумок и пистолет, вырвал копьё, отер его травой и побежал в сторону оставленных на дороге бронетранспортёров.

У машин не было ни души: наёмники ушли всей стаей. Он пустил в ход копьё, и скоро все транспортеры осели в пыль на прорезанных колёсах. Тогда он стал крушить их радиостанции и довольно быстро управился со столь несложным делом. Потом принялся за двигатели, точными движениями отбрасывая крышки капотов... Всё это он проделал, внимательно прислушиваясь к стрельбе, и когда она стихла, немедленно удалился в лес, унося две тяжелые коробки с пулемётными патронами, которые вытащил из машины капрала.

«Клетчатые пилотки» вернулись мрачные, неся пятерых убитых, в том числе и капрала, поднятого на обратном пути. Из сорока человек их осталось не более двадцати, не считая раненых, чьи страдания быстро усиливались от тропической жары и незнакомых бактерий. Но раненые даже обрадовались, когда увидели, чего они избежали, покинув на время боя эти несчастные машины. Никто не усомнился, что здесь действовал целый отряд черномазых людоедов.

Белые каратели выставили часовых, выделили повара, чтобы подкрепиться горячим, и принялись за ремонт машин. Вернее, было решено хоть как-нибудь собрать из четырех умело расстрелянных двигателей один, залатать колёса одной машины и прорываться обратно под защитой брони в надежде, что свои, не дозвавшись их по радио, вышлют спасательную экспедицию.

Быстро упала ночь, москиты ринулись в атаку, не боясь репеллентов. Часовых меняли каждый час, но не для отдыха, а чтобы сменить уставших ремонтников. Опасаясь заснуть, горячего больше не готовили, а держались на одном анисовом шнапсе. И к утру им удалось собрать по каплям бензин из простреленных баков, наскрести запчастей для одного двигателя и даже обрести надежду, что заработает один передатчик.

– Ниггеры не догадались поджечь машины, – сказал майор, командир отряда, поправляя на пятнистой куртке железный крест, заслуженный ещё при Гитлере.

– У них не было с собой огня, – высказал догадку белоголовый сержант с английским акцентом. – А сходить в деревню за головнёй не додумались.

– Может, и додумались, — хохотнул черноголовый, картавя на французский манер, – да мы слишком быстро пришли назад.

– Ничего, – пообещал майор, – мы сюда вернёмся по-другому...

В ту же секунду все трое, хрипя, упали в сырую от росы пыль, пробитые длинными стрелами. Так же, без выстрела, рассветная дымка успокоила и остальных.

Высокий черный боец, не выпуская из рук захваченного вчера пулемёта, вышел к машине первым. Натянутые сзади луки охраняли каждое его движение, но в стане врагов сопротивляться было некому.

– Ты хорошо придумал не сжигать их машины, – сказал высокому худой старик с седыми волосами. – Много трофеев.

– Консервы и медикаменты пожалел, – сказал высокий сурово. – Детям и раненым... Да и боеприпасов много.

К полудню следующего дня на подходе к месту гибели карателей была в несколько минут уничтожена спасательная экспедиция на шести бронемашинах, которые частью подорвались на минах, частью были забросаны гранатами.

Тогда над районом событий закружились боевые вертолеты, вызванные из столицы.

Оружия против летающих танков партизаны не имели и попробовали зайти. Но «клетчатые» знали, что надо делать. Небесный огонь полетел в мирные хижины, закричали женщины над убитыми детьми, и тогда партизаны тоже начали стрелять...

Потеряв один вертолет, которому пулеметная очередь повредила несущий винт, воздушные каратели передали работу наземным, которые к тому времени уже подобрались вплотную.

– Я вас прикрою, – сказал высокий пулеметчик седому старику. – Отряд надо сохранить, выводите людей.

– У тебя хорошее оружие, – согласился старик. – Пусть тебе повезет.

Часто меняя позицию, высокий бил короткими очередями по броневикам. Он продержался около часа, пока группа «клетчатых» не обошла его сзади. Чуткий, как зверь, он уловил их движение, когда еще можно было обойтись без рукопашной. Он легко различил маскировочную одежду среди лесной зелени, быстро повернулся, коротко повёл стволом безотказного пулемета и нажал на спуск.

Сухо щелкнул металл, будто боек не достал до капсюля.

Партизан знал, что в магазине еще полно патронов. Он передернул затвор и вдруг с тоской вспомнил выражение лица того капрала, у которого он взял пулемет. И понял причину отказа.

Каратели открыли огонь все разом, пули отбросили высокого, он ударился о грубый ствол акации и сполз на землю, но пулемета из рук не выпустил, даже без сознания пытаясь нащупать спусковой крючок. Бросившиеся вперед наёмники шарахнулись, когда длинная очередь вспенила песок у ног умирающего. Раздался новый залп...

– Доннерветтер, – сказал рыжий сержант, упершись ногой в блестящую от крови смуглую грудь и выдирая из рук убитого пулемет. – Фатер-муттер... Очень вовремя у него заклинило... Ишь, как смотрит, зверюга...

Он прицелился из пулемета в неподвижное лицо, на котором застыло гордое презрение, и тронул спусковой крючок.

Сухо щелкнул металл.

Сержант ругнулся еще раз, по-вьетнамски, и слегка оттянул затвор. Патрон в стволе был. Рыжий резким движением выбросил его и заглянул в щель магазина. Там еще было чем стрелять. Он отпустил затвор, и новый заряд с лязгом ушел в патронник. Садист ухмыльнулся и опять взял на мушку спокойное лицо убитого партизана. Приятели подошли поближе, но смотрели не на мертвого, а на капризный ручной пулемёт, марке которого привыкли доверять. Рыжий тоже вдруг заволновался и тянул с выстрелом.

– Любезный дон, – попросил верзила с испанским акцентом, – нельзя ли поторопиться? Жрать пора!

– Яволь! – Рыжий осклабился и протянул пулемет ему. – Твоя очередь!

Верзила заржал шутке, перехватил тяжелый пулемет одной рукой, ловко зажал приклад под мышкой и, еще не целясь, потянул спуск длинным узловатым пальцем. Пулемёт исправно загрохотал, дорожка из бушующего песка потянулась к человеческой голове, но – в миллиметре от нее – оборвалась.

Сухо щелкнул металл.

– Э-э, каррамба, – сказал верзила, всё ещё улыбаясь. – Вот теперь патроны все.

И протянул пулемет рыжему. Тот изменился в лице и, не взяв оружия, посоветовал:

– А ты все же проверь.

– Да ты, никак, суеверным стал! – Верзила нервно хохотнул и, как на осмотре, бросил пулемет рыжему : – Лови-ка!

Рыжий поймал ствол двумя руками, хмуро щелкнул затвором, и все увидели, как в воздухе кувыркнулся выброшенный патрон. Сержант подобрал его, осмотрел, вытер, налившись кровью, отправил обратно в патронник и шагнул к побледневшему верзиле, как рождественский подарок, вручая ему пулемёт.

– Попробуй-ка еще раз, ты, не суеверный.

Лицо верзилы пошло пятнами, он огляделся. Приятели молча ждали. Тогда он с отвращением упер ствол в неподвижное тело и нажал спуск.

Не последовало даже щелчка.

Продолжая тянуть спуск, верзила поднял мутные глаза на товарищей и отвел оружие от трупа. В землю ударила очередь, но она быстро захлебнулась – теперь уж наверняка кончились патроны.

– Понял? – спросил рыжий сержант. У него дрожали руки.

– Я не верю, – сказал верзила и повесил пулемёт на плечо. – Это какая-то здешняя чертовщина. Тут рядом где-нибудь сидит ихний гипнотизёр, колдун... и ждет, сакраменто диа, когда ему стрелы притащат. Пошли отсюда!

Через неделю, упакованный в ящик с нарисованным рукопожатием и до-

ставленный попутным военно-транспортным самолётом, наш знакомый был сдан в бюро претензий того самого завода, откуда начал свой путь. В сопроводительном формуляре говорилось: «Данный пулемёт, единственный из последней партии, дал целую серию отказов в бою, что привело, по мнению экспертов, к серьёзным потерям в живой силе и технике как со стороны войск режима, так и с противоположной. Против людей применение невозможно. Представляет интерес для технико-психологического анализа».

– Технико-психологический анализ? – протянул вслух начальник бюро претензий. – Пулемёту? Серийному? Да и вообще – что это за термин? У них там или белая горячка от анисовой, или поголовная тропическая лихорадка с галлюцинациями... Совсем парни завоевались! Им бы самим анализ... Психиатрический!

Он зарядил пулемет и спустился с ним в стендовый зал. Дал несколько коротких очередей в ритме танго. Потом погасил свет и заглянул в ночной прицел. Питание схемы уже немного подсело, но мишени были видны четко. Он дал по ним одну длинную очередь и вдруг в волнах теплого воздуха над стволом различил спокойное лицо негра, исполненное гордого презрения.

– М-м-мираж, – пробормотал стрелок и включил свет. Он разрядил оружие, вернулся к своему столу, небрежно опустил на него пулемёт, сел, раскрыл формуляр и твёрдой рукой начертал: «В полную разборку. Детали можно использовать повторно».

На следующий день молодой слесарь подсобной мастерской стоял перед открытым ящиком и читал формуляр. Через его плечо заглянул мастер.

– Как это, – спросил слесарь, – «технико-психологический»?

– Умничают, – ответил мастер и отобрал у него формуляр. – Не засоряй мозги. Делай свое дело.

Парень пожал плечами и принялся разбирать пулемет. Все детали он, как было велено, положил в разные коробки и отправил в сборочный цех.

Через полгода из разных концов мира в бюро претензий поступили несколько ящиков с отказавшими пулемётами. Во всех формулярах значилась одна претензия: безотказное на полигоне, оружие не стреляет в самые решающие моменты боя.

– Странное совпадение, – сказал начальнику бюро его помощник. – Ящиков почти столько же, сколько деталей в пулемёте.

– Почти? – переспросил начальник бюро. – Больше или меньше?

– На один меньше.

– Значит, из одного еще не стреляли по людям, – сказал мрачно начальник бюро.

– Как будто у пулемёта есть другое назначение! — рассмеялся помощник.

Начальник бюро претензий не улыбнулся и не ответил. Он сосредоточенно размышлял над пачкой формуляров.